

PG 3226

.M64

1836

b.

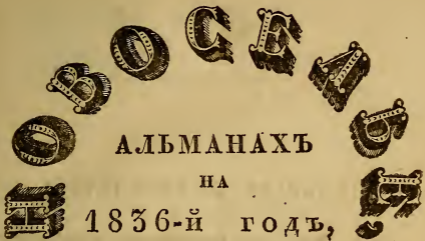
**МОЕ
НОВОСЕЛЪЕ.**

MOE NOVOSELE.

МОЕ

АЛЬМАНАХЪ

НА

1836-й ГОДЪ,

ИЗДАНИЙ

В. Грыловски мѡ.

Удѣ Книск
Петра С. Петинск

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИЗДАТЕЛЯ

1836.

PG 3226
M 64
1836

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по оппечаташи предшавлены
были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.
Санктпетербургъ, Ноября 19 дня 1835 года.

Ценсоръ Петръ Корсаковъ.

90-214440

ОГЛАВЛЕНІЕ.

П Р О З А:

Стр.

Грена, Александра Евгеніевича:

Лейпцигская бинва (Изъ записокъ спараго солдаша) . . . 3.

Два письма изъ Финляндіи . . . 57.

Кладбище. (Истинное происш.) . 106.

Три случая моей жизни. (Аллегорія) 126.

Крыловскаго, Василія Константиновича:

Добрая дочь или чершты изъ семейной жизни. (Истинное) . . . 135.

Куруты, Николая Ивановича:

Ужасное свиданіе. (Анекдотъ) . . 182.

С — ва, А. П.:

Байкаль . . . . . 194.

	Стр.
<i>Щ — ва, В. З.:</i>	
Ограниченное желаніе	23.
Домовой. (Повѣсть)	27.
Гусь одноногой. (Анекдотъ)	97.
Ручеекъ	121.

СТИХОТВОРЕНІЯ:

Варгасова, Александра Николаевна:

Г — ну	104.
Пусынья	175.

Грена, Алекс. Евгеньев:

Чувства юности при видѣ памятника Императору Александру благословенному	1.
Звѣзда. (Аллегорія)	56.
Изъ Гейера	120.
Сухачеву	189.

Грена, Николая Евгеньевича:

Мои мечпы	25.
Къ * * * , ...	203.

Левицкаго, Аполлона Максимовича :

Грену	54.
Звѣзда	180.

Доренца, Александра Андрѣевича :

Мечшы на берегахъ Чернаго моря	101.
Чумаки	129.

П — го, Александра Николаевича :

Въ память Веневитинову	115.

Пономарева, Н. Н. :

Къ Другу	202.

С — го, П. П. :

Осень	48.
Курица и Ушка, (Басня)	52.
Бальныя друзья	91.
Къ сослуживцамъ	93.
Женскія слезы	118.
Къ Ш.	123.
Эпиграмма	125.

VIII

	Стр.
<i>С — 20, II. П.:</i>	
Размолвка	130.
Къ N. N.	177.
Слеза	186.
Экспромпъ	188.
Невозможность счастья	192.
Къ * * *	205.
 <i>III — 20, А. Т.:</i>	
Смерть Бориса Ростовскаго, (Историческое преданіе)	14.

ЧУВСТВА ЮНОШИ

при видѣ памятника

ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ

Благословенному.

Ивецъ, опершись о гранитъ,
Смотрѣлъ я съ чувствомъ вдохновенья
На твой величественный видъ
Колоссъ — вселенной удивленья!

Ты блескомъ царственнѣмъ своимъ
 Меня невольно поражашь ,
 И чѣмъ - то радостнымъ , святымъ ,
 Младое сердце наполняшъ.
 Моимъ предснвилось очамъ :
 Лучами озраченнѣй Феба ,
 Парящѣй, мнился, къ небесамъ
 Благословеннѣй Ангель неба!
 Держа въ рукахъ символъ свяшой ,
 Ты съ вышины на насъ зриашь ;
 Самодержавною рукой
 Свяшую Русь благословляшъ.
 Ты нашъ! въ тебѣ я узнаю
 Царя — спасителя вселенной!
 И Царскимъ ликомъ восхищеннѣй ,
 Какъ очарованнѣй спюю.

А. Гренъ.

С.-Петербургъ ,
 30-го Августа 1835 года.

ЛЕЙПЦИГСКАЯ БИТВА.

(Изъ записокъ стараго солдата).

Посвящено подполковнику П. В. Курепанову.

Въ долгія зимнія ночи, сидя у огня, я съ какимъ-то особеннымъ восхищеніемъ вспоминаю о знаменитой Лейпцигской битвѣ. Сколько величественныхъ, поразительныхъ сценъ.

было тамъ. . . . О день великій!
 день вѣчно памятный для снараго
 солдата! Миръ кажется, что я и
 теперь вижу землю, покрытую раз-
 бросанными пушками, разбитыми
 пороховыми ящиками, шрунами и
 умирающими.

Посмотрите: вотъ здѣсь карни-
 но пылающъ древніе замки, загород-
 ные дома и хижины бѣдныхъ. Пожаръ!
 пожаръ! зачѣмъ ты коснулся пріюта
 убогихъ? Пощади эти горестныя
 развалины, гдѣ добродѣтельный бѣд-
 някъ имѣлъ себѣ единственное убѣ-
 жище!

Скажице: опть чего происходишь, чпо человекъ въ дни мира и спокойствія, находясь при послѣднихъ ступеняхъ къ гробу, чаще воспоминаешъ о мгновеніяхъ жизни горесныхъ, нежели о золотыхъ и пріятныхъ дняхъ юности? — Скажице: опть чего мать любишь болѣе шо дитя, которое въ младенчествѣ было слабѣе другихъ, и у колыбели котораго она провела такъ много горькихъ и бессонныхъ ночей?

Вопросы сіи пусть разрѣшаютъ другіе, а не я. Мнѣ, старому солдату, проснишельно ошашься въ молчаніи: ибо я въ шѣ лѣта, когда

должно бы сидѣть за книгами въ классѣ, учился уже работать шнагою въ полѣ, гдѣ предстояла каждому солдату одна наука: *умереть со славою.*

Лейпцигъ! я помню тебя, городокъ счастливый и веселый. Я помню твою богатую торговлю, цвѣтуція твои окрестности, гдѣ я любилъ въ мечтахъ бродить по красивымъ твоимъ улицамъ и вспоминанію юныхъ и милыхъ твоихъ обитателей.

Нынѣ, когда ты спокойно дремлешь, поминишь ли ты ночь ужасный день, когда вокругъ тебя раздавался громъ болѣе чешырехъ сошь

Французскихъ пушекъ, чшобы не допустишь союзныхъ Монарховъ къ своимъ мирнымъ спѣнамъ.

Я помню эпошъ день, какъ помняшь все ужасное и величеспвенное въ мѣрѣ; не спану спрашегически описывашъ движеній и передвиженій, написковъ и опспуповъ шой и другой армін, скажу шолько, чшо бшва была ужасная: въ шесши баталіонахъ моего корпуса и перваго полка Морской артиллеріи, споявшихъ въ грозномъ боевомъ порядкѣ вдоль по Дубенской дорогѣ, въ нѣсколько часовъ оспалось въ живыхъ не болѣе спа солдатъ и два — три офицера; прочіе

были убиты, или взяты въ плѣнь. Товарищи! миръ праху вашему! — Въ дни мира вы были добрые друзья мои, а въ дни брани храбрые солданы.

На другой день, $\frac{5}{17}$ числа, войска непріятельскія и наши опдыхали, упомянутыя кровопролитіемъ.

$\frac{6}{18}$ числа происходило по большое сраженіе, въ которомъ *Наполеонъ* показалъ весь свой геній, но гдѣ слава не увѣнчала лавровымъ вѣнкомъ прежняго своего любимца.

Я сравниваю Лейпцигскую битву съ величайшимъ зданіемъ, которое споя нѣсколько вѣковъ въ твердомъ основаніи своемъ, борется со все-

сокрушающимъ временемъ — но мало по малу уступая напору силы, падаетъ наконецъ съ шумомъ и шрескомъ.

Нашъ полкъ почти совершенно испребленъ и присоединенъ къ другой бригадѣ. Это присоединеніе произвело почти такое же дѣйствіе, какъ присоединеніе нѣсколькихъ саншимовъ къ бюджету.

Быстро мы сдѣлали нападеніе на прелестное, образцовое селеніе Шенфельдъ. Съ какою горестію я вспоминаю скромную колокольню его, содѣлавшуюся жерпивою пламени.

На этомъ самомъ мѣсѣтѣ генералы *Фридрихъ* и *Когорнъ* были убиты,

а генералъ *Калпаиъ* раненъ. Всѣ они прославились отличною своею храбростію, а *Когорнъ* сверхъ того былъ извѣстенъ суровостію въ обращеніи и разговорѣ. Когда кто нибудь былъ раненъ, онъ съ неохотою позволялъ, чтобы двое изъ солдатъ вышли изъ фронта, для опшесенія раненаго на мѣсто перевязки. Когда же оторвало самому ему ядромъ ногу, онъ съ суровостію закричалъ на нѣхъ, копорые хотѣли ему помочь: чтобы оставались на своихъ мѣстахъ, и дали бы ему умереть спокойно

Одинъ бомбандиръ упалъ, раненый пулею въ грудь: глаза его закрылись, онъ приговаривался уже умереть: но когда товарищъ хотѣлъ опниять у него ружье, онъ крѣпко прижалъ его къ груди своей и проспоналъ: Поспой немного, поспой, дай мнѣ прежде умереть!

Вечеромъ мы начали опспупать и $\frac{7}{19}$ числа упроромъ вспупили въ Лейпцигъ.

Опспупленіе наше было ужасно. Изнуренные, голодные, послѣ шрехъ-дневнаго боя: генералы, солдашы, офицеры, маркишаншы, артиллерія конная и пѣшая, пѣхоша и фонница —

съ шумомъ, бранью, крикомъ и проклятіями спѣшили къ мосту на Эльперъ. Здѣсь полагали предѣль всему — какъ будто бы за нимъ находилось прекрасное и милое опечесство наше — Франція; но обиспоятельсва сдѣлались еще ужаснѣе, когда неожиданно съ пылу показались свѣжія Русскія войска съ 4 орудіями. Огомъ ихъ губишельно свирѣпсвовалъ въ спѣсенной полтъ нашей. Не было никакой надежды: добрые жишели Лейнцига пакже посылали намъ ружейные выспрѣлы изъ оконъ своихъ.

Наконецъ, мостъ былъ взорванъ на воздухъ; я видѣлъ, о, не дай Богъ никогда впередъ видѣть, какъ летали обломки моста вмѣстѣ съ членами шѣхъ, которые почитали себя счастливыми, достигши его. Смотря на эту ужасную картину, сердце разрывалось горесцію; я, воинъ, плакалъ какъ дитя. Все погибло; Князь *Понятовскій* и многіе генералы упо­нули въ Эльстеръ.

Изъ le Finistère *А. Грень.*

СМЕРТЬ БОРИСА РОСТОВСКАГО.

(Историческое преданіе).

Ночь воцарилась , надъ горой
Луна медлительно вслываесть
И тускло блѣдною спруей
Шаперъ безмолвный освѣщаетъ.
Запахла Альпа ; въ берега
Валы бурливья не плещуть ,
На гладкой зыби лишь ирещутьъ .
Луны серебряной рога.

Споишь недвижно боръ дремучій,
 Поляна дикая молчишь;
 Но вопль зашла луна за тучи
 И мраченъ спалъ природы видъ.

Какъ перлы, звѣзды крошко плѣются,
 Лія съ высотъ чужь видный свѣтъ;
 Мрачите боръ, поля шемѣются,
 Пронесся вихрь — предвѣспникъ бѣды..
 И лѣсъ шапнулся почернѣлый,
 Плеснулся въ берегъ шумный валъ,
 Просяжно берегъ проспоналъ,
 И снова мершвѣй, онѣмельй,
 Въ глубокой замерь тишинѣ.
 Въ туманномъ полѣ, чьи во пмѣ,
 Среди глухой безмолвной ночи,
 Какъ уголь горя, сверкающъ очи?
 Злодѣи шайныя идушь
 Къ шашру, несповой шолпою,
 И гибель вѣрную съ собою
 Спрадальцу юному несущъ.

Объятый горестнымъ волнениемъ
 Передъ иконою святой,
 Несчастный Князь къ Творцу молениемъ
 Лепель съ окрыпою душой,
 Ему повѣдавъ всѣ сираданья
 Гоненій спрашанныхъ — скорбный плодъ,
 Онъ ждалъ съ надеждой упованья
 Ужъ близкій въ вѣчность переходъ.
 Убийцу зная, но чуждый мщенья,
 Ему давно, давно проснилъ,
 И онъ души Творца молилъ
 Злодю — брапу опущенья

Погибель вѣрная близка
 Свершилася скоро злодѣянье,
 Не даромъ шайная шоска,
 Не даромъ груди волнованье;
 И Князь скрѣнивъ невольный вздохъ
 Иконѣ Спаса приложился,
 На все взглянулъ, со всемъ проснился
 Пошомъ на одръ безмолвно легъ

И ждалъ удара роковаго
 Съ пѣмой рѣшимостью въ груди.

«Защитникъ слабыхъ! о, спѣши!

Призри спрадальца безъ покрова,

Рука преступная гошова,

Кинжалъ виситъ ужь оспрiемъ;

Прiосъни его щипомъ —

И сохрани отъ злобы мщенья!»

Увы! напрасныя моленья

Свершился замыселъ убійцы.

Къ Борису рѣшиемъ шляла,

Передъ иконой падши ницъ,

Какъ дѣва слабая, рыдая

Георгій опрокъ шакъ молилъ

Творца сердечною мольбою,

Чинобъ Онъ, Всевышнею рукою

Ударъ отъ князя опврашилъ.

Лампада тихо дѣгараешъ.

Сiяя брезжущимъ огнемъ

И умирающимъ лучемъ

Предметы шускло озаряешъ.

Какъ испуканъ несчастный князь
 Со всемъ безъ жизни, безъ движенья,
 Мечтой ошъ міра опдвлясь
 Парилъ въ надзвздныхъ селеня.
 Въ сей роковой, священнй мигъ
 Въ немъ спрахъ земной на ввкъ записхъ;
 Его душа въ святомъ забвень
 Не помнигъ міръ. Ни мщеня лдъ,
 Ни смерти грозной приближене
 Спрадальца чувствва не смущагъ.
 Какой-то говоръ сокровенный
 Бориса весело зовешъ:
 Какъ несчастливцъ заключенный
 Душа свлтая воли ждешъ.
 Вдругъ слышенъ шумъ, еще слышгъе,
 И вопъ, какъ тапъ, вошли въ шаперъ
 Убийцы злобой пламеня,
 Ужасенъ былъ ихъ смущный взоръ;
 Ланины впаля горъли
 Какой-то яросшью нъмой,

«Они привычною рукой
 Желъзо острое вѣртели,
 И взгляды бѣглыя кругомъ
 Неперѣливо обводили
 Вдругъ въ выраженіи тѣломъ
 На одръ печальный усстремили.
 Но медлили... Невольный страхъ
 Въ убійцѣ внезапно поселился:
 Дрожащъ кинжалы въ ихъ рукахъ
 И первый разъ въ нихъ пробудился
 Забытой совѣсти укоръ.

Свершили имъ страшно преступленье:
 Возникшей совѣсти мученье.
 Святая жертва... Судъ небесный...
 Тысящъ ихъ шайною поской.
 Они въ смущеніи предъ собой
 Узрѣли Спаса ликъ чудесный,
 И въ ихъ раскаленную грудь
 Благое сѣмя заронилось,
 Еще опкрытъ къ спасенью путь,

Еще для нихъ не зацворилось
 Дверь милосердія Творца,
 Не опшрашилъ еще лица
 И опъ раскаянныхъ злодѣевъ.

Но все напрасно въ ихъ душахъ.
 Сильцѣй корысень заговорила,
 И безвозвратно заглушила
 Едва возникшій Божій страхъ.
 Опяць въ нихъ совѣсь припавлась,
 И непроснется ужъ къ добру!
 Какъ волки гладилъ, къ одру
 Злодѣевъ шайка успремьлась.
 Взвился убійственнѣй кинжалъ,
 Намъчепъ былъ ударъ холодной.
 И жерновой злобы первый палъ.
 Георгій опрокъ благородный,
 Опягощепною главой,
 Несчастнѣй къ груди преклонился
 И медленно съ одра скапился
 Сжавъ мечъ безсильною рукой.

На груди опрока сіла
 Злапая цѣпь — заслути знакъ ;
 Въ опустошительныхъ бояхъ
 Его душа огнемъ пылала :
 Въ ряды враговъ не разъ врѣзала
 Онъ мечъ опчаяньемъ водимый,
 Не разъ ударъ неопразимый
 Онъ онъ Бориса опражалъ.
 Гошовый жертвованъ собой
 Онъ неспрашилъ смерти злой,
 И палъ съ опрадною мечшою
 За князя — чисною душою.

Пльняся цѣпью золопою
 Злодѣи сняпъ ее желали,
 Но сняпъ не могли, опорвали
 Ее холодною рукой
 Съ невиной, дѣпскою главой.

Мелькнуло лезвіе кинжала
 Передъ панишвеннымъ одромъ ;
 Спрадалецъ палъ, его неспало !....

Съ святымъ безсмертія вѣнцомъ,
 Душа Бориса воспарила,
 Оставляя брешный свой кумиръ,
 Корабльъ средь бури, безъ кормила,
 Пучину золь и дольний міръ.

Далекимъ пламеннымъ щипцомъ,
 Нѣмой свидѣтель злодѣянья,
 Луна висѣла надъ шатромъ
 И блѣдно палевымъ лучемъ
 Лила дрожащее сіянье.
 Тряхнулась въпль глухой сосны,
 Раздалось пляжкое рошпанье
 Эоломъ взброшенной волны,
 И огласился долъ ошзывомъ
 При блескѣ спускломъ и сосливомъ.
 Уже блѣднѣющей луны.

А.—ій.

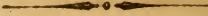
ОГРАНИЧЕННОЕ ЖЕЛАНІЕ.

Когда-то я буду жить въ деревнѣ?
Когда-то буду имѣть домикъ, окру-
женный вишневыми деревьями! Не
подалеку отъ него былъ бы у меня
садикъ, рощица, лужокъ, огородъ и
пчелиные ульи. Быспрый, извижаю-
щійся ручеекъ, сославлялъ бы гра-
ницы моего царства, и желанія мои

никогда не простирались бы далѣе сего ручейка. Тамъ бы я проводилъ счастливые дни мои: шруды, прогулки, книги, друзья и мудрая природа заняли бы все мое время. Тогда бы я имѣлъ чѣмъ дѣлаться съ бѣдными; безъ того нельзя быть богатымъ; имѣть только для себя одного, значитъ ни чего не имѣть.

В. III — съ.

МОН МЕЧТЫ.

Въ часы спокойствія, въ часы уединенья,
Когда душа моя бесѣдуетъ съ мечтой,
Когда мой духъ спремится въ міръ иной
Въ міръ идеальный наслажденья,

Когда поэзіи невольно звукъ сольется
Въ моей поскующей и спраждающей груди,
И сердце бѣдное надеждою забьется
Надеждой радости и пламенной любви:

Тогда душа моя спокойно опдыхаетъ:
Вкушая съ жадностью пріиспѣва всей земли,
И призракъ счастья, какъ сонъ, мелькнувъ вдали,
Меня забываго надеждой утѣшаетъ.

Н. Гренъ. (*)

(*) Первая онышня юнаго поэта. *А. Г.*

Д О М О В О Й.

По опытамъ извѣстно, что разсказываемыя мамолѣпнымъ дѣшямъ сказки о домовыхъ, мершвецахъ и шому подобныхъ спрашлицахъ, а особенно еще пуганіе оными дѣшей для униманія ихъ опъ какой - либо шалости, свойственнѣйшей всякому ребенку, причиняетъ не малой вредъ,

дѣлая его боязливымъ и суевѣрнымъ — иногда — на всю его жизнь; ибо вообще всякое дѣшя, по слабому его понятію, напурально всему охотно вѣришь и сказываемую ему ложь принимаетъ за истину; а еіе можеть легко вкоренишься въ немъ такъ, что иногда даже и самое рачительное воспитаніе не помогаетъ въ непробленіи изъ него такой слабости.

А дабы показать читателю до какой степени въ нѣкоторыхъ пожилыхъ людяхъ проспирается сумазбродство, поселившеся въ нихъ съ самаго ихъ дѣшества на сечь ложь

наго мнѣнія о существованіи домовыхъ и прочихъ нечиспныхъ духовъ, но помѣщаю здѣсь для того, одно письмо, писанное нѣкоторымъ помещикомъ изъ деревни къ его пріятелю, въ кошоромъ, между прочимъ, описываетъ онъ забавное происшествіе, случившееся съ нимъ на пуши во время ошѣзда его изъ С.-Пешербурга до своей деревни. Письмо сіе слѣдующаго содержанія:

«Въ проѣздѣ мой (пишетъ онъ) чрезъ нѣкоторое мѣспѣчко, по случаю заспигшей меня на пуши бури, принужденъ я былъ остановишься въ первомъ на дорогѣ попавшемся.

весьма худомъ шракширѣ, въ коемъ
 пріемная соспола въ малой и въшхой
 хижинѣ. Но при въѣздѣ моемъ на
 обширный дворъ того шракшира,
 примѣчено было мною, что вновь
 опшпроенный огромный флангель на-
 ходился во все необишаемъ, въ чемъ
 доказательствомъ служили заколо-
 ченныя наглухо у оконъ ставни и
 двери.

По нѣкоторомъ времени опдохно-
 венія моего, возродившееся во мнѣ
 любопытство понудило меня спро-
 сить пожлага содержателя шрак-
 шира, почему онъ живучи въ столь
 въшхой хижинѣ, которая по все-

минушно угрожаешъ разрушеніемъ своимъ, оставилъ, по видимому, во-все вновь выстроенный его домъ? Онъ на такую вопросъ мой вздохнувъ отвѣчалъ: «ахъ, милоспивый государь мой! причиною тому проклятой домовой, кошорый съ давняго времени въ каждую почти ночь по наступленіи 12-го часа, производилъ шамъ ужасный спукъ, и что ни я, ни изъ прислуживающихъ у меня не имѣемъ сполько бодрости, чтобъ даже днемъ сдѣлать осмотръ въ комнапахъ, въ кошорыхъ, вѣрояпно,» продолжалъ онъ, «всѣ оставленныя шамъ мебели поломаны нечиспымъ

духомъ.» — Я, выслушавъ съ шери-
нѣніемъ такую явную басню бѣднаго
пиракширицика, заключилъ что ко-
нечно онъ имѣеть у себя замысло-
вапаго недоброжелателя, кошорый
будучи увѣренъ въ проснопѣ и сус-
вѣрїи его, рѣшился такимъ обра-
зомъ мстить ему. Въ разсужденїи
чего пожелавъ я вывести сего сусе-
вѣра изъ закорѣнѣлаго въ немъ пред-
разсудка, объявилъ ему о намѣренїи
моемъ оснатся у него на ночь, и
оиправнися на ночлегъ въ необитае-
мая его комнаты для свиданїя съ не-
прїятелемъ его домовымъ. Едва ус-
пѣлъ я произнести такую мое

предложеніе , какъ праспирщикъ
воскликнулъ : «Какъ! вы хотите
жертвовати своею жизнію споль
безразсудно!... Боже сохрани!... Я
никакъ не допущу васъ до сего
предпріятія!... Нѣтъ, милосердн-
вый государь!... что тогда сомною
будешь , когда демоны лишашъ васъ
души , и оную увлекушъ къ себѣ
въ адъ!.. не долженъ ли я буду му-
читься за васъ моею совѣстію въ
здѣшной жизни; а въ будущей...» Я
прервалъ таковыя смѣшныя егò воз-
раженія моимъ увѣреніемъ , чпобъ
онъ ничего не опасался и предоспа-
вилъ бы мнѣ право бытъ ему полез-

нымъ. Но по многимъ послѣ него убѣжденіямъ моимъ, едва удалось склонить сего чудака на мою рѣшимость.

Между тѣмъ - ночь спустила на землю черную свою завѣсу, и я былъ совсемъ въ готовности къ знаменитому подвигу моему, подобно древнему спрашенвующему рыцарю, почитавшему себя обязаннымъ защищать принесенное челоуѣчество. Трактирицикъ удосновѣрясь въ моей героической рѣшимости, пришелъ онъ того въ величайшую робость, и приближась ко мнѣ съ пренешомъ, спрашивалъ: «вы милосердый государь, неужели и въ самомъ дѣлѣ

рѣшилнѣь предапся въ когши до-
ваго? ...» Я, дабы успокоить его,
немедленно показалъ ему носимый
мною при себѣ маленькой образъ
Спасителя. Трактирщикъ перекрес-
тился и поцѣловавъ сей образъ, вос-
кликнулъ: «Господи! спаси сего смѣ-
лаго господина и не предай его душе-
вно и телѣсно во власть демонскую!»
Я поблагодаря его за такое неллице-
мѣрное о мнѣ моленіе и разпроспив-
шись съ нимъ по рыцарски, взялъ
фонарь съ зажженною свѣчею, и всегда
бывшею при мнѣ охотничью мою
собаку, пустился вооруженною ру-
кою, какъ говорится въ сказкахъ,

въ тридевять земель въ тридесятое царство.

Быль уже въ исходѣ 11-й часъ ночи, какъ я прибыль въ предѣлы демонскаго обиталища, въ которомъ остановился спокойнымъ лагеремъ: воожиданіи, будто опъ слабаго и робкаго непріятеля, полезнаго для себя мира или рѣшительнаго его на меня нападенія. Дѣйствительно я расположился съ моею собакою въ первой небольшой комнатѣ предъ довольно обширнымъ заломъ, и притворивъ плотно находившуюся въ оный дверь, вынулъ изъ фонаря свѣчу и поставилъ оную въ подсвѣчникъ

на случившейся въ шой комнатѣ предъ диваномъ сполить, на кошорый положилъ карманныя свои часы, заряженный, на всякой случай, писто-лешъ и саблю, и расшянувшись на диванъ, подобно роскошному Сиба-ришу, принялся было въ спокойствіи духа курить табакъ, ожидая появ-ленія домоваго.

Но не долго наслаждался я симъ спокойствіемъ; ибо на часахъ моихъ стрѣлка едва успѣла передвинутся на 6-ю минушу, по входѣ моемъ, какъ, въ самомъ дѣлѣ, услышалъ я въ залѣ происходящій шорохъ, и собака моя, предвѣстница чрезвычай-

наго, вдругъ начала бѣгань по комна-
тѣ, въ коей я находился, и обнюхи-
вань въ углахъ оной; особенно же
подбѣгала чаще къ двери зала. Замѣ-
тивъ такое странное движеніе со-
баки моей, ожидалъ съ неперпѣніемъ
дальнѣйшаго послѣдствія, какъ она
вдругъ прибѣжавъ ко мнѣ начала
выть; опъ чего, однакожъ, я ее топ-
часъ унялъ. Между тѣмъ происхо-
дившій въ залѣ шорохъ все еще про-
должался. Я вспавъ поспѣшно съ
дивана: имѣвши въ одной рукѣ
пистолешъ, а въ другой, обнаженную
саблю, произнесъ громогласно, и
прямо по рыцарски: «кно бы ты

ни былъ духъ или челоуѣкъ нарушающій здѣсь спокойствіе мое, я желаю тебя видѣть!» Но лишь только успѣлъ произнести сіе героическое мое восклицаніе, какъ нѣчто щелкнуло, и дверь изъ зала мгновенно распворилась и, о ужасъ!... споявшая на столнкѣ зажженная свѣча вдругъ загасла отъ сильнаго воздуха, происшедшаго подобно отъ маншіи на челоуѣкѣ, пробѣжавшемъ мимо меня по комнатѣ. Послѣ того поднялся ужасный шумъ и бомбандированіе, чѣмъ-то, въ стекла окошекъ.

Признаюсь, что таковая не слишкомъ прелестная для слуха моего

гармонія, продолжалась, поминутя, близъ четверти часа, и наконецъ довершилась паденіемъ въ залъ люстры, разрушившейся объ полъ.

Я долженъ откровенно признаться, что со всею бывшею тогда неуспранностию моею, предпринялъ было учинить по всемъ правиламъ военной тактики, премудрую репирату, и не мало оспававшееся время почи пожелаю препроводить поспокойнее въ обвѣщальныхъ черпогахъ тиракширщика; но въ семь благо-разумномъ намѣреніи моемъ, воспрепятствовала ужасная шемноша, принудившая повелительно оспаваться мнѣ

въ невыгодной моей засадѣ — для сбереженія моего лба.

Добравшись ощупью до дивана, и повергшись на оный, я призывалъ къ себѣ на помощь благодѣштельнаго Морфея, но вѣроятно за не имѣніемъ у него маковыхъ цвѣтшвъ, онъ ко мнѣ не являлся. И такъ будучи лишеннымъ такого нужнаго въ сіе крипическое для меня время благодѣянія его, придумалъ онъ скуки лучшее занятіе: лежа на диванѣ, переворачивался почаще съ бока на бокъ.

Пребывая въ такомъ мучительномъ положеніи, ожидалъ съ боль-

шимъ непрерывнѣемъ окончанія онаго. Всякой, будучи на моемъ мѣсѣ, въ подобныхъ обшпояпельснвахъ, можетъ представити себѣ, какую я ощутилъ величайшую радость, когда увидѣлъ сквозь щели спавшей, какъ Аврора предшествовала Фебу, едва начинающему выѣзжать на златой колесницѣ, везомой огненными конями. Я немедленно забравъ свое оружіе и проч., и съ командовавъ моей собакѣ къ опшпупленію изъ предѣловъ не приступнаго непріятеля, прибылъ скорымъ маршемъ къ пракпирцику, опчаявшемуся когда-либо меня видѣть, но который, увидя меня существую-

ицмъ между живыми, приведенъ
былъ опъ того въ неописанныя
восхищенія и радость.

Л. д! ты, можешь быть, подума-
ешь, что все, мною описанное, нель-
посъ, и причтешь разгоряченному
моему воображенію, но прошу тебя
терпеливо удоспоишь дочиташь до-
конца мое повѣствованіе; а дабы под-
крѣпить твое терпѣніе въ ономъ, по
предваряю, что въ произшествіи
семъ ничего не заключается сверхъ-
естественнаго; но все въ ономъ
обыкновенно и естественію; вопъ
тебѣ и слѣдующая всему тому раз-
вязка:

Послѣ подкрѣпленія себя спомъ по прешерпѣнной мною въ минувшую ночь безсонницѣ, пошли мы двое съ шракирицикомъ, кошораго, однакожъ, едва я могъ согласишь, въ необитаемья смершными комнашы, для осмошра. Пришедши въ оныя, къ крайнему удивленію моему, увидѣлъ я во множествѣ лежащихъ на полу издохшихъ нешопырей. Тракирицикъ почши оныхъ нечисшыми духами, упалъ безъ чувствъ; но я приведши его въ онос, увѣрилъ что по были летучія мыши, конхъ не случалось еще никогда сему чудаку видѣшь.

И такъ происходившее ночью въ комнапахъ, вѣроятно случилось не отъ чего инаго, какъ отъ множесива нешопырей, влещѣвшихъ въ выбитыя стекла окошекъ, и можетъ быть, уже съ давняго времени тамъ поселившихся; ибо, вой собаки моей, и ее обнюхиваніе происходило отъ того, что она, по свойственному вообще симъ животнымъ понкуму обонянію, слышала нешопырей: дверь же отворилась отъ вѣтра; дѣвшаго въ прямо отстоящія противъ оной окна, у коихъ, какъ выше помянуто, не было нѣсколькихъ стеколъ; пробѣжавшій, какъ будто

мимо меня невидимо по комнатамъ
человѣкъ въ машинѣ, опть копіорой
погасла свѣча, по мнѣнію моему,
шакъ же причиною былъ вѣнерь,
разшворившій дверь; спукъ въ
окончины и стекла происходилъ опть
непопырей, ибо они вдругъ пораже-
ны были внезапнымъ свѣшомъ опть
зажженной свѣчи, да и доказатель-
ствомъ сему есмь то, что ихъ на-
шелъ я во множествѣ лежащихъ
на полу у оконъ; паденіе въ залъ
люстры, послѣдовало по причи-
нѣ перервавшагося шнура, коимъ
она была къ потолоку привязана, и
шнуръ сей, какъ буди нарочно,

держался до того самого времени,
въ которое я посвятилъ себя въ
званіе Рыцаря Донъ-Кихота.»

В. Ц — въ.

О С Е Н Ь .

Давно ли Аврора
Дней ясныхъ царица,
Изъ водъ выплывала
Какъ лебедь молодой,
И въ моръ играя
Лучемъ серебристымъ,
Картиной волшебной
Была для очей.

Давно ли зephyры
 Весення госпи
 Играя, порхали
 По рощамъ, лугамъ,
 И вешней прохладой
 Грудь милой паспушки,
 Лелѣяли пѣжно
 Съ любовью весны?
 Давно ль ты о роща
 Мечташелей помныхъ,
 Какъ другъ услаждала
 Подъ сѣнью своей;
 На препенныхъ въпвахъ
 Тѣнншой дубравы,
 Пѣвецъ голосншой
 Гремьтъ соловей?
 Давно ли дочь Флоры
 Прелестная роза,
 Какъ юная дѣва
 Цвѣла на лугахъ,

И взоры прохожихъ
Манила, прельщала
Роскошной красой?
Давно ль въ хороводахъ
Веселья пѣсни
Гремли повсюду
Счастливыхъ селянъ,
Паспухъ на свирѣли
Наигрывалъ милой
Завѣнные звуки
Любови своей.
Лучь солнца опрадный
Живилъ всю природу,
Все въ мѣръ дышало
Упѣхой любви:
А пѣнь Аврора
Какъ мѣсяць полночный
Не греетъ природы
Холоднымъ лучемъ.
Дуга опустили,

И роща заглохла
Не слышно пернатыхъ
На вѣтвяхъ древесъ.
В. поблещымъ приношѣ
Нѣтъ въ рощѣ завѣшной,
Все мрачно въ природѣ
Тоскуешь любовь.
Зефиры умчались
Съ весной легкокрылой,
И роза увяла
До новой весны.
Такъ быстро проходить
И юность злая,
И мы невозвратно
Увянемъ, друзья,
Лишь сердце для счастья
Съ весною природы,
На мигъ въ насъ забьется,
На мигъ процвѣпешъ.

Н. С.

КУРИЦА и УТКА.

(Басня.)

Куда какъ ты уйна!
Дождь проливной, мяпель со спужей,
А ты купаешься все въ лужѣ,
Тебѣ и въ осень все весна!
Мнѣ на тебѣ смопрѣшь и жалко и забавно,
Ну дождь тебѣ промочить славно,
Съ насешься курица шапаясь на шестѣ,
Читала упкѣ наспавленье,
Что жъ ша въ опивѣшь кумь? —

При прусосии швоей напрасно насшавленье,
Я кумушка дожда ни сколько не боюсь,
Мнѣ дождь не вредъ, благошворенье,
Его я влагою и моюсь и свѣжусь.

Смысль басни сей давно чипашель знаешь:
Отъ кришкии паланшъ не убѣгаешь.

. Н. С.

КЪ А. Е. ГРЕНУ.

Въ волненьи думъ , въ пылу спраспей ,
Я забывалъ предразсужденья ,
И часно гений вдохновенья
Во мгла панспивенныхъ ночей :
Являлся мнѣ съ мечной унылой ,
И открывалъ передо мной
Завѣсть судьбы неумолимой
И муки сердца съ суэпой .

Къ душѣ холодныя сомнѣнья
Не прилепали вновь порой,
Я не спасала себя мольбой,
И сердце билось въ умиленны.
Докучный вздохъ не вымешалъ,
Душа не знала упованья;
И я въ молчаніи внимала
Толпы безумной соспрадачл.

А. Лезицкій.

З В Ъ З Д А.

(Аллегорія.)

Быль вечеръ. Звѣздочка сверкала
Одна на небѣ голубомъ :
Она , казалось , опдыхала
На лонѣ мирномъ и родномъ.
Но долго -ль? . . . Туча накалилась ,
Слилась съ землею темною ,
И въ мракъ звѣздочка сокрылась ,
Какъ перелетная мечна !

А. Гренъ.

ДВА ПИСЬМА ИЗЪ ФИНЛЯНДИИ

Къ брату *И. Е. Грену.*

I.

Простота жизни Финновъ, — деревня Сувепой, —
взглядъ на Выборгъ.

Была сумрачная и холодная ночь,
когда я съ другомъ своимъ *бар. Г-мъ*
проѣзжалъ угрюмые лѣса Финляндіи.
Уже мы далеко оставили за собою.

селеніє Лидолово и спѣшили въ Выборгъ, гдѣ намѣревались провести нѣсколько дней. Кибитка наша ѣхала весьма тихо, и вдали, по темнотѣ ночи, мы не могли ничего примѣнить. Съ пасмурною погодою и мы были печальны; каждый думалъ о своемъ. Наконецъ товарищъ мой прервалъ наше молчаніе, спрося раза три рыжаго Финна, ямщика нашего: «Далеко ли до первой станціи?»

— *Влійско, герра!* (сударь) *вирстѣ шесть*, — отвѣчалъ Финнъ, и съ досады пріударилъ лошадей, а замахнувшись, полкнулъ нечаянно спавшаго *Ивана*, нашего деньщика.

«Гей пергалла! чшо ты взбѣ-
сился!» сказалъ *Иванъ*, проширая
глаза: «шебѣ вѣрно хочешся подарка
отъ моей солдатской руки.»

Чухонецъ, не разслушавъ или не
понявъ словъ его, беззаботно вынулъ
шрубку изъ кармана, набилъ кореш-
ками, ударилъ раза два кремнемъ объ
огниво — закурилъ её, и выпуская
сизый дымъ изорота, бормошалъ ка-
кую-то пѣсню, изъ кошорой мы по-
няли только часшой припѣвъ: *Эй
луйста, Эй луйста!* (не знаю не
знаю.)

«Узнаешъ, браагъ!» сказалъ *Иванъ* :
отъ меня и не вашей браагьи до-

спавалось. Вѣдь я въ двѣнадцатомъ году былъ подъ Бородинымъ.»

— *Кассо вейконтъ! тульта, тульта,* (посмотри, брашъ! огонь, огонь,) — закричалъ радостный *Финиъ*, толкнувъ рукою *Ивана*.

«Что шакое? . . . . что шакое? . . . что?» кричалъ *Иванъ*, разинувъ ротъ. Мы тоже глядѣли во все стороны, но ничего ни примѣчали, а *Чухонецъ* продолжалъ кричать: *тульта! тульта!*

Наконецъ мы узнали причину радостнаго крика, примѣшивъ вдали блеснувшій огонь. Онъ-то пропадалъ, но опять являлся изъ-за лѣса, и

на послѣдокъ шамъ открылась небольшая деревня Сувенной, гдѣ въ бѣдныхъ хижинахъ свѣпился огонь.

— Не ночевать ли намъ въ этой деревнюшкѣ? — сказалъ я моему другу: ночь холодная и одиннадцать часовъ, мы можемъ рано на зарѣ выѣхать и рано успѣемъ пріѣхать въ Выборгъ. —

«Да правда шволя;» сказалъ поваричъ мой, и радостный *Иванъ* кричалъ: ночлеги, ночлеги, въ лучшую корчму. — Мы остановились у одной хижины; Чухонецъ нашъ поспучался въ слуховое окошко, изъ кошораго показала курчавая и бѣлая какъ снѣгъ голова. «*Мите те таггоме?*

(что вамъ надобно?)» проворчалъ онъ похороннымъ голосомъ.

«Опопри воропа,» закричалъ съ неперпѣнїемъ *Иванъ*: «или я твою бѣлую голову выдерну на улицу.»

Черезъ нѣсколько времени опворнились со скрипомъ вѣхїя воропа, показала бѣлая голова съ зажженою въ рукахъ лучиною. Мы въѣхали на дворъ, вышли изъ кибитки и, приказавъ нашему *Ивану* принести корзину съ кушаньемъ, отправились за провожаемымъ въ избу.

Два спарика сидѣли у печки, курили шрубки и безопасно разговаривали между собою. Чухонка сред-

нихъ лѣпшъ качала въ привѣшенной къ жерди люлькѣ дитя и пѣла заунывную пѣсню. Два мальчика, лѣпшъ по десяти, спали на разостланной соломѣ. На желѣзной поставкѣ горѣла лучина и опбрасывала слабый свѣпшъ свой по избѣ, Вотпъ чпо представилось при входѣ въ хижину.

«*Люве ильта!* (добрый вечерь!)» сказалъ другъ мой; при семь словъ два старика почпительпо вспали, опшвѣпшсшвуя: *юмаландака герра* (покорнѣйше благодаримъ, сударь). Чухонка кивнула головою, и опяпш водворилась прежняя счастливая пишина.

Вошелъ *Иванъ*, таща на спинѣ корзину съ дорожными запасами, вошелъ и рыжій ямщикъ нашъ, поклонился, спалъ у печки и, казалось, чего-то ожидалъ. Я догадался, вынулъ изъ кошелька гривенникъ и опдалъ ему. Благодарность за благодарностью, и слову *ю.малаандака* не было бы конца, когда бы не *Иванъ* нашъ: онъ долго глядѣлъ на Финна, и вдругъ, какъ бы опомнясь со сна — схватилъ его подъ руки и съ словомъ: прощай *сейконъ!* (братъ!) выполкнулъ за двери.

Мы смѣялись и разговаривали; но ударило 12 часовъ и время на-

помнило намъ, что пора спать. Закусивъ на скорую руку—мы приказали принести пукъ соломы, и разосплавъ оную, бросились опдыхашь на полу. Подражая намъ — и другіе улеглись, гдѣ попало.

Было два часа ночи; когда я проснулся, въ избѣ было душно; въ углу на лавкѣ храпѣлъ нашъ *Иванъ*, два спарика спали на печкѣ, бѣлая голова съ подругою лежалъ на поспелѣ, два мальчика и мы на полу. Я вспалъ, опперъ слуховое окошко и былъ прохладенъ легкимъ дуновеніемъ полночнаго вѣтра.

Погода переменилась: вмѣсто холодной и сумрачной настала теплая и ясная; блѣдная луна озаряла свѣтомъ печальныя окрестности Сувеноя: всюду царствовало молчаніе, лишь изрѣдка прерываемое журчаніемъ тихаго ручья.

— Какъ прелестна дикая природа Финляндіи! — сказалъ я, озираясь во все стороны.

«Пріяніе спать!» сказалъ другъ мой, проширая глаза, и снова заснулъ.

Долго я сидѣлъ облокотясь на окно — разсматривая видъ Сувеноя, и признаюсь, милой брашъ, я вздохнулъ — и слезы покапались по

лицу. Я вспомнилъ свою родину, гдѣ проводилъ золотые годы въ счастливой безопасности; вспомнилъ минувшее, когда гулялъ по долинамъ веселой Малороссіи. Но все прошло, — я далеко на сѣверѣ, — въ странѣ, прославленной поэтами.

Въ четыре часа я легъ, и прелестный сонъ оживопворилъ картину пылкаго моего воображенія, перенесши меня въ волшебный край и въ счастливые годы.

Въ семь часовъ утра выѣхала съ шумомъ кибитка наша изъ деревни Сувеноя. Лихая тройка удалыхъ коней мчалась во всю скачь, и дикія кар-

пины Финляндіи мелькали однѣ за другими. Пріятно путешествованіе по незнаемымъ мѣстамъ, видѣть иную природу, иные нравы и обычаи; но пріятнѣе жити въ земахъ опцовъ своихъ, видѣть все знакомое, обнимать все родное.

Мы лѣзли; быспро измѣнялись предметы за предметами; мелькали села, деревеньки — и мы не видали, какъ подъѣхали къ Выборгу. Въ двухъ верстахъ отъ города, на лѣвой сторонѣ отъ большой дороги, видно кладбище, осѣненное березами. Видъ печальный! Оно напоминаетъ крапковременную жизнь нашу, жизнь,

проведенную въ горесіяхъ: ибо я думаю, что никто не можетъ назваться истинно счастливымъ. Вся жизнь наша есть ни что иное, какъ бурливый океанъ.

Не надолго все, что мило!

Жизнь для счастья корочка! —

Но грустишь о томъ, что было,

Сердцу сладкая тоска.

А. Ротчевъ.

Мы любопытствовали видѣть надгробные камни, скрывающіе подъ холодною землею пѣла усопшихъ; встали съ повозки и пошли съ священнымъ пренесомъ къ симъ мѣстамъ. Здѣсь видѣли шо простой

крестъ, осѣнявшій могилу мирнаго Финна, но богатый обелискъ знапнаго человека; здѣсь могила добраго дѣда нашего, *И. И. Грена*, бывшаго гражданскаго губернашора Выборгской губерши. При этомъ я невольно вспомнилъ прекрасные стихи *И. М. Карамзина*:

Тихо въ могилѣ , мялкой , покойной ,
 Вѣтры шамъ вѣютъ , спящимъ прохладно ;
 Травки , цвѣточки раснутъ .

Побродивъ по кладбищу и погрузивъ , мы опять помчались. Природа , одѣвшись зеленымъ покровомъ , улыбалась вокругъ насъ. Сполѣтшя сосны и шихя ели наводили дикое

безмолвіе на окружности. Тупѣ пошли возвышенныя мѣста, и надъ пропастями нависли вѣковые камни.

Мы вѣхали въ форшпахъ города; — маленькіе и низенькіе домики мелькали вокругъ насъ. Мы спрашивали, гдѣ бы намъ приспашъ? Всякой просилъ постѣпипъ его маленькое жилище, и всѣ съ добродушною радостію смопрѣли на путешественниковъ.

Наконецъ мы пріѣхали въ тракпиръ, въ которомъ, назадъ пому дващцапъ лѣпъ, поселился Ипаліа-нець *сипъоръ Мотъте*. Онъ содер-жишъ его, и пріѣзжающій не долженъ

опасаться, что здѣсь ничего не найдешь: здѣсь все есть, какъ въ другихъ большихъ городахъ.

Нѣсколько число убранныхъ комнатъ находится во всей готовности къ услугамъ путешественниковъ. Но двѣ постели въ комнатѣ — своею привлекательною чистою манерою всякаго къ оподохновенію. Комната, опшведенная намъ, была изъ лучшихъ; упварь ее соспавляли: шеснь кресель, два стола и диванъ. Нѣсколько картинъ довольно хорошей работы висѣло на стѣнѣ. На одномъ столѣ лежали С.-Петербургскія Вѣдомости, Свѣрная Пчела и Русскій Инвалидъ.

А на другомъ столѣ — лежала обернушая въ чистую бумагу на Чухонскомъ языкѣ Библия, любимое занятіе Финна въ праздничное время. Чухонцы всегда носятъ съ собою Священное писаніе, и послѣ рабснны, въ часы отдыха и досуга, читаютъ его, и находятъ въ немъ все свое утѣшеніе въ жизни.

Въ два часа по полудни мы пошли прогуляться по городу; взявъ съ собою добраго и веселаго поручика Е. А. Пенцеліуса, который зналъ все лучшія мѣста въ городѣ. Выходя изъ воротъ, мы встрѣчали вездѣ довольно хорошо построенные до-

мики, улицы весьма чистыя и для прогулокъ пріятныхъ. Посѣпивъ крѣпость, снаринное сооруженіе Шведовъ, которое въ нныхъ мѣстахъ обвѣщало мы ошправились къ *Красному* колодцу. Сей колодезь находится на Петербургской споронѣ и на обширной площадкѣ. Здѣсь прежде въ праздничные дни молодые обыватели города, обоего пола, собирались играть въ разные игры и подъ волюнку плясали извѣстный въ Финляндіи проспонародный танецъ *англійска* (Русской бычекъ). Недалеко отъ колодца сдѣланы скамьи для прохлажденія и отдыха прохожихъ.

Сѣвъ здѣсь, можно обозрѣть весь окрестности Выборга. На лѣво видны синѣющія воды Финскаго залива; на немъ мелькають, какъ ласпочки, Финскія суда съ бѣлыми парусами. На право — вдали видѣнь плацъ прошиву Грекороссійской Соборной церкви Св. Преображенія Господня, гдѣ въ лѣпшее время бываетъ парадъ Финскихъ войскъ. Въ окружности вездѣ видны разсѣянные домики, изъ трубъ коихъ вьется къ облакамъ дымъ по голубому небу. Какое пріятное зрѣлище для всякаго, кто любитъ видѣть милую природу въ простотѣ ея.

Мы долго здѣсь наслаждались сею картиною; но время напомнило намъ, что пора возвратиться въ пракширь. — Ударило девять часовъ и, немного отдохнувъ, другъ мой *бар. Г-къ* вышелъ въ общую залу играть въ боспюкъ съ собравшимися тамъ офицерами Нейшлотскаго Егерьскаго полка; а я въ это время сѣлъ за столъ и написалъ сіе письмо. Прощайте!

Выборгъ,
25-го Августа 1853.

II.

Mon pere, — Финская церковь, — Хусь -
 Ньми, — два анекдота, изображающія нравы
 Финновъ.

Всего чаще въ Свѣпѣ не сбыва-
 ются надежды наши: мы думаемъ,
 что скоро достигнемъ предмета на-
 шихъ желаній, однако же часно въ
 одинъ мигъ все разрушается, и мы
 опять на прежнемъ пупи обманчи-
 вой жизни нашей. Такъ и со мною
 случилось, любезный братъ; я объ-
 щалъ себѣ на дняхъ возвратиться
 въ Петербургъ, но обстоятельство
 переменились и я долженъ по види-

тому прожить въ Финляндіи еще долго. Ты просишь меня сообщить тебѣ описаніе Mon геросъ, увеселительнаго загороднаго сада барона *Шиколай*. Изволь; описаніе мое будетъ небогато, за то вѣрно.

На каменномъ берегу Финскаго залива, въ двухъ верстахъ отъ Выборга по Фридрихгамской дорогѣ, на правой сторонѣ, среди густаго сосноваго лѣса стоитъ живописное помѣстье барона *Шиколай*. Дикое, прелестное мѣстоположеніе даетъ ему видъ самый очаровательный. Здѣсь природа въ гениальныхъ произведеніяхъ своихъ выспавила всѣ

идеалы совершенства; искусство рукъ
человѣческихъ едва прикасалось коё-
гдѣ и потому почти незамѣтно.
Взойдя на возвышенный холмъ, ты
видишь съ одной стороны спокой-
ныя воды Финскаго залива, по ко-
порымъ корабли, оживленные про-
мышленностію, спѣшаютъ въ Россію,
Швецію, Финляндію. Нѣсколько мел-
кихъ острововъ разбросано въ пріят-
номъ безпорядкѣ и, какъ почки,
чернѣются маяки гавани Спральзун-
да. Съ другой стороны обширныя
горы камней образовали площадку,
на которой видѣнъ сельскій домикъ
опца нынѣшняго владѣльца. Здѣсь

старый баронъ *Николай* въ часы досуга любилъ заниматься поэзіею, и нерѣдко благодѣтельная рука его опирала здѣсь слѣзы бѣдносипи. На право, за каменною оградою, цвѣтущая долина и на ней разсыпанное спадо. Паспущья свирѣль напѣваеиъ унылыя пѣсни беспечнаго Финна, и сквозь деревъ мелькающъ небольшіе домики Выборгскаго форшпана. Картина испинно очаровательная!

Суровый край: его красамъ,
 Пугаяся, дивящся взоры;
 На горы каменныя шамъ
 Поверглись камешныя горы;
 Сигья, входяиъ до небесъ
 Ихъ своенравныя громады;

На нихъ шумитъ сосновый лѣсъ,
Съ нихъ бурно льются водопады...

Баратынскій.

Вотъ стихи нашего Финскаго поэта: они вѣрно изображаютъ картину Финляндіи и Моп герос. — Во внутренности сада: густыя аллеи, прелестные цвѣтники, оранжереи съ рѣдкими расшѣніями Востока — переносятъ зрителя неожиданно подъ экваторъ, въ Индію. Флора здѣшняя столь богата и разнообразна, что изумленный взоръ не знаетъ на чемъ остановиться. — Недалеко отъ берега есть островокъ, на которомъ построена маленькая крѣпость. Тамъ

покойся съ миромъ прахъ отца нынѣшняго владѣльца. Три уединенныя сосны осыняютъ его надгробный памятникъ. Здѣсь любимъ распѣвать сѣверный соловей. Меня уверяли, что *Баратынскій* часто посѣщалъ садъ сей и здѣсь обдумывалъ свою *Эду*. Въ *именной рощѣ*, на одной изъ вѣковыхъ сосенъ, я видѣлъ также фамиліи двухъ знаменитыхъ писателей нашихъ: *Д. В. Давыдова* и *К. Ц. Батюшкова*. — Оставляя до слѣдующаго письма описаніе сего сада, я только скажу, что помѣстье барона *Николай* есть единственная дача въ сѣверномъ краю Европы;

совѣшую каждому путешествуящему по Финляндіи взглянуть на преле-
стное Мон герос.

Въ Воскресенье 26-го Августа — я зашелъ въ Финскую церковь. Спаринное, готической архипектуры зданіе сіе имѣетъ видъ четверугольника, и построено Финнами еще за долго до основанія Выборга. Стѣны, сложенные изъ огромныхъ дикихъ камней и слипшя свинцомъ, не бояшя руки времени и усполятъ многіе вѣка. — Почтенный спарець, пробспъ Финскихъ церквей, *Ценцеліусъ*, говорилъ проповѣдь: *о смиреніи*. Народъ слушалъ его съ испин-

ною набожносцію, и я замѣнилъ, что многіе плакали. Я сѣлъ въ задній уголь церкви и перенесся мысленно въ лучшій, идеальный міръ; забылъ все земное и, *тамъ*, въ небесномъ некаль отпалды для измученной несчастіями души моей. Долго, долго я сидѣлъ въ задумчивости; звонъ колокола и шумъ народа, выходящаго изъ церкви, возвратилъ меня опять на землю: и лучшія, прекрасныя мечны мои исчезли какъ сонъ.

Вечеромъ я поѣхалъ съ Е. А. П. на Финскомъ челнокѣ въ Хуссъ-Нѣми, (лѣпній оспровъ). Челнокъ бѣжалъ

быстро, такъ что въ четверть
 часа проѣхали мы четыре версты
 и очутились на острову. Привязавъ
 нашу лодку къ кустарнику; мы выш-
 ли на берегъ. Два, при домика, во-
 кругъ которыхъ сушились рыбачьи
 сѣти, и больше ничего! На порогъ
 одного дома сидѣлъ почтенный,
 лѣтъ семидесяти, старикъ; вперивъ
 глаза свои на снѣга воды залива,
 онъ казался искалъ въ нихъ чего-
 то. Усмолръвъ насъ, онъ вспалъ
 и почтительно поклонился, прося
 посѣнить его жилище. Во внутрен-
 ности хижины мы нашли опрятность
 и чистоту; двѣ молодыя дѣвушки,

хорошенькія собою, занимались шипь-емъ; въ углу сидѣла снаруха, мать ихъ, лѣтъ пятидесяти. Я сѣлъ на лавку у окна, съ конюраго видъ очаровашельный: солнце величественно догорало на западѣ и послѣдніе лучи его отражались въ шихо-спруящемся заливѣ; уединенныя берёзы и въ-ковья сосны своєю глубокою мрачносною и царственнымъ величіемъ наводили на душу мою что-то неизъяснимое, небесное! Слеза навернулась на глазахъ моихъ, и эта слеза, непонятная холодному эгонизму, была слезою чистаго невыразимаго удовольствія.

Ahi! null'altro che pianto al mondo dura!

P e t r a r q u e.

Ахъ! въ свѣтѣ цѣпѣ ничего посполнѣе и пріятнѣе
слезъ!

П е т р а р к а.

Мы рвали и ѣли ароматическую *малуру* (сѣверная малина, распу-
щая въ одной только Финляндіи) и,
побродивъ по оспрову, возвраши-
лись въ девять часовъ въ Выборгъ.—
Въ общей залѣ пражшира *сеньора*
Мотъте собрались нѣсколько офи-
церовъ, и здѣсь я подслушалъ два
анекдота, изображающіе нравы и
обычай Финновъ. Вотъ они:

— Опець мой, — говорилъ одинъ
молодой офицеръ: былъ заживочный

паспоръ одной деревни. Кресьяне любили и починяли его. Однажды, это было въ Воскресенье, онъ сидѣлъ за столомъ съ своимъ семействомъ и обѣдалъ. Входитъ пожилой лѣтъ кресьянинъ, поклонился починительно оицу моему и, взглянувъ на салатъ, который мы тогда ѣли, поспѣшно вышелъ вонъ. Оиецъ мой приказалъ его воропннть, и онъ вошелъ снова съ поклономъ. «За чѣмъ ты такъ поспѣшно вышелъ, *Томасъ?*» спросилъ оиецъ мой кресьянина, «и что тебѣ надо?» — *Эй литте!* (ничего), отвѣчалъ кресьянинъ: мой хотѣлъ поворо-

сипь у васъ клѣба, по мой видишь, чпо вы самъ кушай праву! —

— Другой крестьянинъ Сеншь-Михельской губерни, возвращаясь изъ одной дальней деревни домой, нашель на дорогѣ золотые часы, въ-рояшно поперянные проѣзжимъ. Думаая, чпо это какая ни есть незначущая вещь, онъ не разсмаширивая положилъ ихъ въ карманъ. Приѣхавъ домой, онъ показалъ находку свою женѣ, кошорая взявъ часы въ руки и услышавъ бiенiе маятника, поспѣшно бросила на споль: *сипь исту пергалла!* (здѣсь сидишь дьяволь!) проворчала она сквозь зубы.

Мужикъ приложилъ часы къ уху и съ испугомъ бросилъ ихъ на полъ, попомъ схвативъ шопоръ, разбилъ ихъ въ дребезги. —

Справедливы ли эти анекдоты, не ручаюсь, но я слышалъ ихъ отъ такихъ людей, на вѣрность копорыхъ положиться можно. — Прощай, любезный братъ! Слѣдующее письмо получишь ты отъ меня въ Воскресенье 30-го Августа.

А. Грень.

Выборгъ,
27-го Августа 1835.

БАЛЬНЫЯ ДРУЗЬЯ.

Какъ я люблю тебя мой другъ!
Какъ веселья ты, и дашь умѣешь пону
Вчерашній балъ твой!... Да, близокъ къ миллиону,
А что? — О немъ грѣмѣлъ повсюду слухъ!...
И только? — что жъ тебѣ ужели мало
И къ чести истинной чего недоспавало;
Всѣ графы и князья
Всѣ хоромъ закричали
Прекрасна выдумка твоя!

Когда тебя съ насльдьемъ поздравляли ;

Что жъ дальше ? — замолчали ,

И бала новаго онъ друга ждунтъ.

Дождунься вѣрно ; а награда

За мой сторприсъ усердный трудъ

Ужъ вѣрно дружеспиво ? — Пѣшь бранецъ
ренпирада

До бала новаго , всѣ вновь къ тебѣ прильнушь

И вся развязка тунъ.

Н. С.

КЪ СОСЛУЖИВЦАМЪ.

Прощайте добрыя друзья
Форшумы ласковой любимцы
Мои бывлыя сослуживцы
Распанусь скоро съ вами я!
Пройдетъ недѣли двѣ, не болѣе,
И я помчусь быстрой орла
Искашь для жизни лучшей доли,
Какая мнѣ доднесь была.

Опянь, опянь въ мундиръ военный,
 Друзья! опянь я облекусь,
 И съ Песербургомъ, упомянутый
 На долгій срокъ я распрощусь.
 Друзья! скажу вамъ простодушно
 Меня пельштинъ его молва,
 Мнѣ въ Песербургѣ пляско, душно,
 Болишь, кружишься голова!...
 Мысль бьется туда, гдѣ все льется
 Мечны, надежды и любовь,
 Мнѣ съ шой сираны опрадой вьспѣ,
 Какъ съ дола запахомъ цвѣтновъ;
 Туда подъ кровь гостепринимной,
 Подъ кровь природы и людей,
 Опъ этой празднои жизни, дымной,
 Опъ злобы свѣта и цѣней.
 Съ какимъ веселіемъ свободы
 Взгляну я на весну природы
 Богатой, свѣтлой, молодой,
 И на ея роскошномъ лонѣ,

Какъ вѣнценосный Царь на провъ
 Свободной опдохну душой.
 Когда же пушка въсповая
 Къ походу звучно прогремить,
 Вашъ другъ сонъ сладкій забывая
 На полъ чести поленилъ :
 И памъ за родину сражаясь
 Умреть на лаврахъ улыбаясь
 Иль къ розамъ счастья поспѣвши.
 Въ спрапу, гдѣ спрастию старая
 Я жилъ, и счастливъ былъ любя,
 И гдѣ невѣсна молодая
 Томился, плачешь, ждешь меня...
 Но полно мнѣ мечпашъ шакъ сладко
 Разлука часто мнѣ украдкой
 О грусти съ вами говоришь.
 Ахъ, скоро я распанусь съ вами
 Съ моими милыми друзьями,
 Ужь слезы капають съ ланить!...

Примите же желанье дружбы :
Да милосиль вѣчнаго Творца
Пребудешъ съ вами до конца
Средь горя, ондыха и службы.

Н. С.

ГУСЬ ОДНОНОГОЙ.

(Анекдотъ.)

Одинъ Нѣмецъ нанялъ къ себѣ въ услуженіе повара изъ Русскихъ, которому приказалъ купить гуся и его изжарить. Поваръ выполня все сіе приказаніе, прельснулся наконецъ жаркимъ такъ, что никакъ не могъ воздержашся отъ того,

чпобъ не попробовашь его прежде своего хозяина, и вырѣзавъ у жаренаго гуся одну ногу, убралъ её съ добрымъ аппениномъ. Но когда онъ подаль на споль жаркое, по Нѣмецъ не видя у гуся одной ноги, спрашивалъ у своего повара: «послюшій Иванъ! кедѣ у кусекъ шруга ношка?» — Смѣльчакъ Иванъ опвѣчалъ ему: «эшо, сударь, изъ особеннаго рода гусей, кошорые опъ природы болѣе не имѣюшъ, какъ каждый полько по одной ногѣ, и увѣривъ въ шомъ Нѣмца, опъ него счасливо шѣмъ опдѣлался. Чрезъ нѣсколько дней послѣ шого, предъ самымъ

пѣмъ домоу, гдѣ они жили, случился на проспектѣ живыи гусь споящій на одной ногѣ, поджавшии другую. Поваръ увидя эшо, и дабы болѣе удостовѣрить хозяина своего о особенномъ родѣ одноногихъ гусей, немедленно подозвалъ его къ окну и указывая ему въ оное, говорилъ: «вошь, сударь, взгляните: эшошь живыи гусь естъ изъ шой самой породы, кошорой былъ и покойникъ, скушанныи вами.» Нѣмецъ будучи видно не вовсе глупъ, шопчаеъ догадался спукнуть рукою въ стекло окончины; опъ чего гусь мгновенно опушилъ и другую поджашую свою

ногу. И такъ мусье увидя лвный обманъ своего повара, разсердившись на него воскликнулъ. «а, а! пезпельникъ! ши мене обманиваль и спеляесь мене шуракъ!... ши видааль спо куся два ногъ имѣшь, какъ я спущаль спекля!» — «Помилуйше, сударь, (опшвѣчалъ ему поваръ), я во все не думаль васъ обманывать, но вольно же вамъ было не поступачшь и жареному одноногому гусю, у кошораго, можешъ бышь, такъ же выросла бы въ минушу другая нога.»

В. Ш — съ.

М Е Ч Т Ы

НА БЕРЕГАХЪ ЧЕРНАГО МОРЯ.

Спѣвшишь ужъ солище упопашь
Въ морскія волны; и лучами
Оно прощается ужъ съ нами...
Мы съ нимъ увидимся опяшь.
Вотъ закашилось... слѣдъ багровый
Еще на западѣ горитъ,
На черныхъ крыльяхъ ночь спѣвшишь
Одѣшь весь міръ одеждой повой.

У моря здѣсь волна волну
 Какъ быспро гонить за собою
 Кипитъ.... и пѣною сѣдою
 Вверхъ брызжетъ съ шумомъ на скалу,
 Я здѣсь одинъ на берегу,
 Ко мнѣ лишь брызги долетаютъ,
 Спруею влажной орошаютъ
 Мою горящую щеку.

Свои мечпаяя я ввѣряю
 Лишь только плещущимъ волнамъ,
 Скалы мохнатой, берегамъ,
 Ахъ! сладко я, мой другъ, мечпаяю!
 Какъ берегъ спонетъ отъ волны,
 Такъ сердце спонетъ отъ спраданій...
 Соупищицы очарованій —
 Мечпы, куда умчались вы?

Я знаю мчипесь вы куда:
 Но прудъ вашъ жалокъ и напрасень,
 Отъ безразсудень, отъ ужасень,
 Не избѣжите вы Суда!

Раздрашь завѣсу вы хопните,
 Сорвашь съ природы всей печать,
 Поспигнушь все... васъ удержишь
 Не въ силахъ я... куда спышите?

Для васъ все въ мѣрѣ непонянно:
 Кшо человекъ и ошъ кого?
 Кшо онъ? кѣмъ созданъ? для чего?
 За гробомъ чшо? вамъ знашь пріятно!
 Вы рвешесь, силишесь... напрасно!
 Предъ вами шамъ густая мгла,
 Нѣшъ берега морю, безднѣ дна...
 Объ эпомѣ и мечпашь ужас но

Людямъ сего не довѣряю,
 Но полько плещущимъ волнамъ,
 Скаль мохнатой, берегамъ,
 Ахъ! сладко я, мой другъ, мечпаю!

А. Лореницъ.

Одесса.

КЪ Г — Н У.

Люблю того, кто убѣжалъ
Отъ слабостей зависливаго свѣта,
Кто званіе свободнаго поэта
На громкіе чины не промѣнялъ:
Кто за обиды мстимъ презрѣнемъ,
Кто не былъ дерзостнымъ льстецомъ
Передъ безмысленнымъ глупцомъ —
Передъ слѣпымъ уничтоженемъ.

Люблю того, кто успунать
 Врагов неопытныхъ злословью,
 Кто къ другу вѣрному пымалъ
 Святою брапскою любовью!
 Люблю шебл, поварницъ молодой,
 Любимецъ Бога ивснопѣнля;
 Я знаю шопъ, не любинъ принужденья
 Кто съ пылкою рожденъ душой;
 И счастливыи пы въ семь грозномъ мѣрѣ:
 Тебя не пронепъ злой порокъ
 Ты будешь оглащать свой скромный уголокъ
 Свободной пѣсною на лирѣ.

А. В — съ.

Свсаборгъ.

К Л А Д Б И Щ Е.

(Истинное происшествіе.)

Посвящено П. А. Головинскому.

Съ нами по же, что со цвѣтомъ:

Былъ — и пѣлъ его чрезъ день.

И. И. Дмитріевъ.

Однажды, въ прекрасный Майскій вечеръ, бродилъ я по Волковскому кладбищу. Съ душой осиротѣлой,

глядѣлъ я печально на богатые на-
 мяшники и бѣдныя могилы. Вездѣ
 царствовало мерзвое молчаніе, лишь
 изрѣдка прерываемое веселыми кри-
 ками маленькихъ дѣтей — бѣгающихъ
 по могиламъ. Я думалъ, юность
 вездѣ веселился и вездѣ ей пріятно;
 она не глядишь на печальныя мѣста,
 гдѣ со временемъ и ея прахъ будетъ
 положенъ.

Я приближался тихими шагами
 къ одной могилѣ, на которой сидѣлъ
 старикъ, удрученный лѣтами и укра-
 шенный сѣдиною. Почтенный его
 видъ и глубокая печаль, начерпан-

ныя на лицѣ его привлекли мое вниманіе.

«Добрый вечеръ, почтенный спарецъ!» сказалъ я ему.

Онъ поднялъ голову и, обративъ глаза свои на меня, отвѣчалъ съ гореспною улыбкою: «благодарю покорнѣйше, сударь!» — И снова погрузился въ глубокую думу.

«Позвольте спросить, по какой пошеръ груснитъ сердце ваше, чтобъ и я могъ раздѣлить вашу гореснь?»

Спарикъ вздохнулъ; онъ поднялъ опять свою голову, и обративъ глаза свои на могилу, сказалъ: «проч-

пише, сударь, надпись на памятникъ — и вы все узнаете.

Я подошелъ къ памятнику, на которомъ предсавленъ былъ шарикъ, облокопившійся на урну, а другою опирающій слёзы. Внизу на бѣлой мраморной доскѣ вырѣзаны слѣдующія слова:

— Здѣсь покоюся съ міромъ, любезная моя супруга *Марія Е.* . . . .

Ш—ъ и любезная дочь *Барвара.* —

А на другой сторонѣ двѣ слѣдующія надписи:

Къ супругъ:

Приду съ душою сокрушенной

Слезами — камень сей облишь;

Мнѣ счастья не найши въ вселенной,

Коль могъ я — друга пережить!

КЪ ДОЧЕРИ:

О Небо! что же мнѣ ны въ радость оставляешь,
Когда и съ дочерью — меня ты разлучаешь?

— Вошь здѣсь, сказалъ спарикъ —
лежатъ жена и дочь, копорья одни
только были мнѣ радостью въ мірѣ.
Марія лишилась жизни за четыре
года предъ симъ, а дочь, надежда моей
снаросни, скончалась при недѣли
назадъ, и Всевышній оставилъ... —
Спарикъ не могъ докончить; онъ
упалъ на колѣни и, обративъ взоры
свои на небо, что-то шепталъ про
себя.

«Упѣшьшьсь, почтенный сна-
рецъ!» сказалъ я ему, едва удержи-

вая слёзы: «неропщите на Провидѣніе! Не одни вы несчастны, въ семь мѣрѣ тысяча подобныхъ спрдаальцевъ; удѣлъ нашъ перифѣніе. Не плачьте о томъ, что уже невозвратимо.»

— Не плачь — сказать легко! Но знаешь Богу такъ было угодно, и да будетъ Его свяшая воля! — сказалъ спарикъ, подавая мнѣ руку, и приглашая сѣсть возлѣ него. Онъ мнѣ разсказалъ въ коропшкихъ словахъ повѣсть своей жизни:

— Я родился въ Ярославѣ. Опець мой богатый мѣщанинъ и имѣлъ у себя шрехъ сыновей. Я изъ нихъ

былъ младшій. Проведя молодость свою беззаботно подъ надзоромъ отца, я не видалъ, какъ минуло мнѣ двадцать лѣтъ. Отецъ мой однажды сказалъ мнѣ: пора тебѣ самому искать счастья! — И я, получивъ благословеніе отъ отца и матери, отправился въ дорогу и прибылъ въ Пешербургъ. Десять лѣтъ я трудился и нажилъ себѣ небольшое состояніе. Купивъ домикъ, я женился на дочери сосѣда моего, прекрасной осьмнадцатилѣтней дѣвицѣ. Мы съ нею мирно прожили тридцать лѣтъ, и Богъ благословилъ насъ дочерью. Я думалъ вѣкъ свой провести

тихо, спокойно, но Богъ судилъ иначе: въ одинъ годъ лишился я родителѣй, схоронилъ жену и, къ довершенію моего несчастія, спустя чепыре года по смерти жены, лишился я милой дочери. — Старикъ зарыдалъ, взглянулъ на могилу и, крѣпко пожавъ мнѣ руку, побрелъ въ тихомъ безмолвіи съ кладбища.

Два года послѣ сего я еще встрѣчалъ старика, но недавно узналъ, что и онъ переселился изъ этой жизни въ вѣчную, и прахъ его почилишь тамъ, гдѣ жена и дочь. Часто въ лѣшніе вечера, гуляя по

кладбищу, я посѣщаю ихъ могилы, и слезы печали капаются неволью по моему лицу. Я думаю, что и насъ ждетъ такая же участь, и рано, поздно ли, мы будемъ вѣрною добычею могилы.

Люди! люди! для чего вы гордитесь своимъ богатствомъ, за чѣмъ мало снисходительны къ подобнымъ себѣ, за чѣмъ пренебрегаете бѣдныхъ? Знайте, что мы здѣсь не вѣчны: наше богатство, наши пишущулы, насъ самихъ — все возьметъ могила!

А. Гренъ.

ВЪ ПАМЯТЬ ВЕНЕВИТИНОВУ.

Чудесный жребій пьсногьня
Младую жизнь его вьнчалъ,
И долней жизни огорченья
Небеснымъ свѣпомъ прояснялъ.
Любилъ оль чары вдохновенья,
Его лелывалъ чудный сонъ,
И свѣшлыя его видѣнья
Невинны были — какъ и онъ.

Объявить невольною поскою
 Подъ стѣною кипарисныхъ дровъ,
 Какъ часто тамъ ночной порою
 Онъ слушалъ соловья напѣвъ.
 Тамъ онъ мечпалъ, какъ вдохновенный,
 И слышенъ былъ невялпный спонъ...
 Его мечты неспонить онъ,
 Сей свѣтъ, разврапомъ упоенный.
 Ахъ, рано времени рука
 Въ немъ прояснила умъ игривый;
 Съ шѣхъ поръ невольная поско
 Терзала духъ самолюбивый
 И онъ угасъ въ своей веснѣ!...
 Его сманилъ незримый гецій
 Толпой привѣтливыхъ видѣній
 Къ своей надзвѣздной вышинѣ.
 На землю брошенный судьбою
 Онъ музѣ жизнь свою дарилъ,
 И воспришворною мечпою
 Въпецъ безмертія купилъ.

У роици, гдѣ его гробница
Я видѣлъ, упренней порой
Поешъ пернатая пѣвица
И плачешъ другъ его молодой.

А. П.

ЖЕНСКІЯ СЛЕЗЫ.

Не всѣмъ въ укоръ я женщинамъ скажу,
Онѣ безъ умолку напрасно часно плачутъ
Подъ маскою любви мужчинъ подъ часъ дурачутъ,
О тѣхъ слезахъ я право не шужу.
Но если дѣва молодая
Въ порывѣ пламенныхъ спраспей,
И безъ слезы въ любви рыдая
Льетъ яркій пламень изъ очей,

И имъ всю душу обнимаетъ,
Тогда душа моя спрадасть,
Тогда и я зальюсь слезой
О страстной дѣвѣ, молодой.

Н. С.

ИЗЪ ГЕЙЕРА.

Какъ сладко въ поздніе часы
Бродить въ мѣснахъ уединенья,
И созерцать свои красы,
Природа, маперь вдохновенья!
Внимаешь напѣвамъ соловья,
Подъ кровомъ ночи молчаливой
И, улетающая въ міръ счастливой,
Заслушь у пняго ручья!

Съ Шведскаго А. Гренъ.

РУЧЕЁКЪ.

Ручеёкъ! ты служишь для насъ урокомъ!... Теченіе швое есть образъ человѣческой жизни: подобно тебѣ мы раждаемся, сами не зная для чего.... Разнообразныя игры забавляющъ насъ въ продолженіи дѣшества: скоро желанія наши умножаются; но увы! по большей части

усилія, къ достиженію чего - либо
 желаемаго, оспаются тщетными!...
 Правда, любовь и дружба являющіяся
 иногда для украшенія бытія нашего;
 но ихъ появленіе продолжается одну
 только минушу; и — въ самое по
 время, когда воображаемъ, что уже
 достигли совершеннаго счастья, не-
 постигаемое могущество распола-
 гаетъ печеніемъ нашимъ: мы погло-
 щаемся въ неизмѣримой пропасти. . . .

В. Ц — въ.

КЪ Ш. . . .

Быстро время исчезаетъ
Счастье смертными играетъ,
Юныхъ лѣтъ пройдетъ пора;
Съ красотою весны привѣстной
Намъ измѣнитъ непримѣнно
И страстей молодыхъ игра, —
Не надолго, другъ безцѣнный
Счастья жребій сокровенный
Насъ льветъ въ цвѣтѣхъ лѣтъ.

Ахъ, давноль ны были корнешь,
 Ахъ, давно ли усь кудравый
 Ты безопасно распрямляль,
 Для красавиць былъ забавой
 И забавъ оиъ нихъ искаль.
 Ропотъ сердца не тревожилъ
 Твой гусарскій вѣкъ, златой;
 Но ны вѣкъ гусарскій прожилъ
 И сдружился съ сѣдиной.
 Рано ны оспавиль радость
 Верныхъ рыцарей побѣдъ,
 Пролетѣла шинчка младость
 А любви и слѣда нѣтъ,
 Купидонъ вспорхнулъ крымашый,
 Чпо жъ въ замѣну сей упраны
 Намъ сулишь коварный свѣтъ?
 Чашу горестей и бѣдъ.

Н. С.

ЭПИГРАММА.

Клишь никому не подражаетъ ,
Клишь чародѣй, онъ знаетъ все ,
Лишь одного нашъ Клишь не знаетъ ,
Что онъ — не знаетъ ничего.

Н. С.

ТРИ СЛУЧАЯ ВЪ ЖИЗНИ.

(Аллегорія.)

Я помню *когда-то* въ свѣпшыя и печальныя дни моей юности посковаъ я на оплогихъ и шумныхъ берегахъ Чернаго моря. Сердце мое было полно чего-то шаннственнаго и неземнаго; я жиль на земль вс-

щесивеннымъ, а духовная часть моей жизни — была въ лучшемъ мѣрѣ. Я былъ тогда одинъ, никто не превозилъ возвышенныхъ думъ моихъ и счастье мое заключалось во мнѣ самомъ. Время это прошло, какъ проходитъ все въ мѣрѣ нашемъ, ибо на непреложныхъ законахъ природы основано, что всякое начало должно имѣть свой конецъ.

Я помню, шому назадъ два года, какъ гордыя юношескія мечты мои лилеяли бурныя воды великана Саймы. Я полюбилъ древнюю опчизну Скандинавовъ не пошому, что она моя родина, но пошому что она спрана

моего сердца. Гдѣ, какъ не въ странахъ дикой и пустынной, человѣкъ находитъ болѣе опрады и спокойствія? Это непреложная истина, которую опровергнуть никто не можетъ.

Нынѣ, когда юная Муза моя, осуществившаяся въ прекрасной и доброй подругѣ жизни — душа моя нашла новое спокойствіе въ инномъ, семейномъ быту. Я былъ бы совершенно счастливъ, ежели бы иногда не тревожили меня вещественныя непріятности жизни: *плохія обстоятельства въ карманъ!*

А. Гренъ.

Ч У М А К И.

Налетъ шуманъ ужъ надъ водою
Далеко плынешя въ снѣгу ;
И волны шепчущя съ скалою ,
И воешь сѣрый волкъ въ глуши .
Ни звездочка не заблещишь ,
На небѣ пучами одѣномъ ;
Ни огонь блудящій не горитъ
Обманчивымъ и пусклымъ свѣтомъ .

Здѣсь близъ кургана, гдѣ дорога,
 Остановились чумаки. . . .
 Они бѣдны, судьба къ нимъ сурога,
 Смиреной нищеты сыны. . . .
 Они спяшь на землѣ сырой
 Забавъ и роскоши не знаютъ;
 Но подѣ часъ празднею порой
 Въ корчмѣ сивуху попивають.

Кизякъ собравши, разкладаютъ
 Огонь, подѣ кашсю своею,
 И ложкой длинною мѣшаютъ
 И ужинають всею молпой.
 Чуть свѣтъ; ужъ вдушь снова въ пущь,
 Идуть съ нихъ всякой за возами,
 И пѣсни звучныя поють
 Малороссійскими словами.

Ты думаешь они несчастны,
 Что жалокъ бѣдный ихъ удѣлъ,

Что дни ихъ мрачны и несчастны,
 Что въ нихъ всякъ счастья не узрѣлъ.
 Не правда — онъ всегда покоенъ —
 Онъ любитъ нищету свою,
 Чумакъ всѣмъ веселъ, всѣмъ доволенъ,
 И не клянетъ свою судьбу.

Такъ знай, не все по злому въ мѣрѣ,
 Что только суетно блещишь,
 Какъ часто Царь въ злошій порфирѣ
 Украдкой плачетъ и грустишь.
 Любовь и дружество скорѣй
 Живутъ въ землянкахъ съ бѣдняками,
 Чѣмъ у надменныхъ богачей
 Въ палатахъ шумныхъ за пирами.

Надъ богачемъ и по кончинѣ
 Хошащъ щещеславіемъ блещать,
 Надъ бѣднякомъ въ сырой могилѣ
 Не будешь мрамора вѣдвигать.

И всѣ подѣ пляжкою землей ,
    Лежашь мы будемъ вѣчно въ гробѣ ,
Кропимъ дружесива слезой ,
    Поживъ — опдали долгъ природѣ .

А. Лореницъ.

Одесса.

РАЗМОЛВКА.

Нѣтъ! обольстительныхъ сѣтей
Не разспавляй ты для поэта,
Не жди на взоръ твой въ вѣкъ оплѣта
Души возвышенной моей!
Въ ней пламенеетъ искра Бога,
А не пожаръ любви земной,
И знай, что мнѣ въ любви святой
Открыта не побой дорога!

Но если изъ моихъ очей
Слеза на грудь твою скапнула,
То вѣрь, она ужъ возвратилась
Во глубину души моей.
Такъ лѣшнимъ вечеромъ роса
Съ небесъ на землю ниспадаетъ:
Но при денницѣ въ небеса
Вновь невидимо улетаетъ.

H. C.

ДОБРАЯ ДОЧЬ,
ИЛИ
ЧЕРТЫ ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ.
(Испинное.)

Посвящено моей доброй матери: Е. А. Крыловской.

I.

Жизнь наша *тамъ*, а здѣсь — спрдаанье,
Душа шоскуеть на земль.

T.

Въ 36-ти верспахъ ошъ нашей
Съверной Пальмиры, на живописномъ
и песчаномъ берегу Финскаго залива,

въ полуверстѣ отъ скромнаго и уединеннаго городка Ораніенбаума, стоишь дикій деревянный домикъ съ зелеными ставнями. Небольшой садикъ, огородъ и нѣкошорыя друія домашнія пристройки — дѣлали жилище сіе пріятнымъ и спокойнымъ. Этошь домъ принадлежалъ когда-то, почтенному смотрителю, Андрею Ивановичу Доброхошову, вѣрному служакн Государю и Опшеческву, доброму супругу и попечительному опцу семейства. — Онъ жилъ здѣсь съ супругою своею Марьею Петровою, благородною, скромною сорока лѣтнею дамою и рачительною хозяйкою. При

нихъ было трое дочерей: Вѣра, Надежда и Любовь, и между ними, какъ вешераць, жилъ поживалъ ихъ дѣдушка, съ машерней спороны, девяносто-лѣтній масляный спарець, Григорій Пешровичъ, украшенный съдиною и достоинствами испинно добраго челоуѣка. Паптріархальныя дни свои онъ велъ по обыкновенію людей прошедшаго вѣка: вспавалъ рано, ложился спать въ 9 часовъ. Въ Воскресныя дни онъ наряжался въ свой старинный, заслуженный прежнею службою, сюрпукъ, и вмѣстѣ съ милыми внучками, изъ которыхъ онъ болѣе любилъ Вѣру,

отправлялся въ церковь. Вечеромъ обыкновенно собирались въ кругъ его дѣти и онъ рассказывалъ имъ старинныя преданія; вѣшалъ имъ все прекрасное и доброе, и подѣ часть училъ закону Божіему и Русской грамотѣ. Остальное въ воспитаніи малюшкѣ довѣршила природа — лучшая наставница людей. Въ свободное же время онъ вмѣстѣ съ дочерью своею Марьею Пепровою осматривалъ хозяйство, дѣлалъ нужныя въ оной перемѣны — и былъ въ это время настоящимъ хозяиномъ хлопотуномъ. Андрей же Ивановичъ имѣя большія заглашія по службѣ не вхо-

диль ни въ какія распоряженія, а соблюдалъ только строгую дисциплину между домашними.

Время бѣжиць; малюпки дѣти стали подростать. Старшей дочери, Надеждѣ Андрѣевнѣ, минуло пятнадцать лѣтъ. Эта дѣвица была настоящей зефиръ: она имѣла наружность важную, большіе черные глаза, лице бѣлое, станъ стройный — и на словахъ совершенный поэтъ; средняя, Любовь Андрѣевна, полная, прекрасная брюнетка, вѣчно задумчивая и молчаливая; меньшая же, героиня нашей повѣсти, Вѣра, милая юная блондинка, съ голубыми глазами, каш-

пановые волосы, небрежно въ локонахъ завишые, съ спройнымъ спаномъ и крошкимъ характеромъ — была совершенный идеаль красопы, созданный вдохновеніемъ поэта. Сверхъ сего она была трудолюбива, помогала родителамъ въ домашнихъ заботахъ и много услужливоснью и дѣвскою простотою заставляла всѣхъ любить себя. Почтенный дѣдушка часто смотря на нее говорилъ: Вѣра! Вѣра! милая Вѣра! будешь доброю дѣвушкою и трудолюбивою хозяйкою, — и плакалъ отъ радости. Проходили дни, мѣсяцы, годы и многое семейство жило

тихо и спокойно, вдали отъ свѣта и людей; зависть и коварство не возмущало прекрасныхъ дней ихъ.

Несчастія близки. Почтенный Андрей Ивановичъ, перешелъ за шестьдесятъ лѣтъ—лишился зрѣнія и слуха и бѣдное семейство было неуспѣшно. Одна надежда оставалась на Провидѣнiе! Всѣми уважаемый и любимый дѣдушка, Григорій Петровичъ, при своей глубокой старости потерялъ твердость духа, лишился памяти—и не могъ поддержать свою дочь и прекрасныхъ дѣшей ея ни совѣтами, ни дѣлами. Осталась одна Марья Петровна, заботливая и нѣжная

мать семейства. Эй одной предстояли все нужды, недоспавки и неприятности горестной жизни. Домикъ зануствѣлъ, все заглохло — повсюду спало дико и пустынно — и горькая бѣдность поселилась въ укромной хижинкѣ. Что дѣлать? — Должно оставить песчаный берега моря, тихое дѣдовское жилище и переселиться къ свѣплымъ берегамъ Невы. Петербургъ столица богатства: здѣсь шрудъ и усердіе награждается щедро.

Все семейство переѣхало — и поселилось въ одной изъ опдаленныхъ частей столицы. Здѣсь спарикъ До-

брохоповъ и бѣдная мать прехъ дочерей, придумывали средство добыть себѣ честное достояніе. Вѣра первая приложила свое усердіе, и трудами рукъ своихъ поддерживала родителей. Надеждѣ же Андрѣевнѣ предшюла надобность ѣхать за чешыреша вершъ оупъ сполицы къ однимъ ближнимъ родственникамъ — и она просившись со всеми отправилась въ пупъ. Между шѣмъ не сморя на усердіе и труды въ семействѣ эпомъ поселилась бѣдность — ужасная дочь земли.

Вѣрѣ Андрѣевнѣ минуло семнадцашъ лѣтъ — она своею крошоспью

и добродушіемъ заставила всѣхъ любить себя. Многія благородныя семейства приглашали ее и она вездѣ была принята съ хорошей стороны. — Утромъ, одного прекраснаго Майскаго дня, г-жа Л... прислала просить Вѣру Андрѣевну къ себѣ. Получивъ позволеніе родителей она отправилась въ домъ г-жи Л..., гдѣ и была принята съ истиннымъ радушіемъ. Дѣти г-жи Л... были рады милой гостьѣ и прилагали всѣ старанія угодить милой дѣвущкѣ. Время бѣжало невидимо въ прогулкѣ за городомъ, въ разговорахъ и другихъ занятіяхъ — наступилъ вечеръ.

Въ девять часовъ растворенія съ шумомъ дверь, вбѣгашъ блѣдная и съ опчаяннымъ видомъ Любовь Андрѣевна, средняя сестра Вѣры. Никто не зналъ причины такого спранныго прихода ея; г-жа Л. . . . съ участіемъ подходитъ къ ней, спрашиваетъ, проситъ садиться и принимаетъ участіе въ ихъ бесѣдѣ; но она не сходя съ мѣста отшѣчиваетъ съ глубокою задумчивостію: «я пришла къ вамъ безъ позволенія маменьки, меня гоняшъ опть всюду. . . . я оспанусь у васъ ночевашъ.» Сказавъ невнятные слова сіи, она съла на спулъ и впала въ какую-

по мрачную задумчивость. Г-жа Л.... поговоривъ тихо съ Вѣрою Андрѣвною, посовѣтовала сестрѣ ея Любви отправиться къ матери и испросить ея согласія на ночлегъ въ домѣ своемъ. Любовь Андрѣвна отправилась съ провожаемымъ домой и прибывъ къ матери, сказала ей со слезами: «маменька! я оплучилась безъ позволенія вашего.... меня всѣ гонятъ.... тамъ на лѣстницѣ спонитъ человекъ, онъ хочетъ меня убить.... сосѣди меня не видятъ.... поносятъ всячески.... пусни.... пусни, я не могу здѣсь быть!... Марья Петровна не за-

мѣчая разстройсива своей дочери, спаралась утѣшить ее: — другъ мой, Любушка! говорила она; успокойся, кто можетъ обидѣть тебя. Ты никому ничего не сдѣлала; вы ведешь себя благородно и честно — я горжусь вами. У сосѣдей же я спрошу по какой причинѣ они тебя ненавидящъ. Теперь ешуйай съ Богомъ къ г-жѣ Л. . . . — Съ сими словами она поцѣловала дочь свою и отправила ее къ сей благородной дамѣ. — Г-жа Л. . . . и все семейство ея — ожидаѣ Любовь Андрѣвну. Съ истиннымъ радушіемъ все спарались развлѣчь грусть ея. Вѣра Андрѣвна прило-

жила съ своей стороны все, чтобъ развѣселивъ сестру свою; но спаранія всѣхъ были щедры — она была безмолвна. Приписавъ молчаніе ее какой нибудь особенной грусти всѣ оправились къ покою. Дѣти г-жи Л. . . каждая на перерывъ спарались дорогихъ гостей своихъ пригласить въ свои спальни.

Ночь. Все поконлось пріятнымъ и тихимъ сномъ. Зажженная лампада отбрасывала свой слабый свѣтъ. Все тихо; лишь маятникъ въ часахъ производилъ однообразный спукъ. Бѣшь полночь. Внезапный крикъ раздался по комнатамъ. Всѣ бѣгутъ,

зажигаютъ свѣчи — и что жъ? Лю-
бовь Андрѣевна въ спальнѣ одной
изъ дочерей г-жи Л.... сидитъ въ углу,
въ лице ея виднѣтъ сильной жаръ,
съ испуганіемъ бросается она во
все спороны и съ воплемъ кричитъ:
«здѣсь поже, что и шамъ.... Опой-
дите прочь отъ меня.... оставьте
меня.... не смѣйтесь надо мною....
нѣтъ, нѣтъ это пройдетъ.... жар-
ко.... душно, голова болитъ....
Вѣрушка!... подойди ко мнѣ... возьми
прочь отъ сюда. — Все ужаснулись
положенію сестры Вѣры Андрѣевны;
никто не зналъ что дѣлать; Вѣра
плакала, и рыдала — и видѣла какая

горькая чаша приготавливалась для бѣднаго семейства ихъ. — Долго Любовь всманпривалась въ окружающихъ ее — наконецъ узнавъ сестру свою она бросилась къ ней на шею, прижала ее крѣпко къ своему сердцу и съ глубокимъ вздохомъ сказала: «уйдемъ, уйдемъ отъ сюда! Здѣсь душно и спрaшно мнѣ!...» Вѣра не знала что дѣлать — она сама была безъ памяти.

Семейство г-жи Л... оспальную часть ночи провело у больной; приложены были всѣ средства, дабы успокоить спрaждующую, но она оставалась въ прежнемъ положеніи. Утромъ рано былъ приговоренъ

экипажъ, и больная вмѣстѣ съ опчаянною и плачущею сестрою была отправлена къ маперн.

II.

Несчастія не приходять по одиначкѣ,
а цѣлою толпой.

Шекспиръ.

На Козьемъ болопѣ, въ одной изъ опдаленныхъ частей города, рано ушромъ, когда еще роскошь и богатство, послѣ шревогъ и волненій прошлаго дня, нѣжилось на пышныхъ ложахъ — бѣдность и трудо-

любіе пробуждалось. Въ одной изъ хижинъ шепталась лампадка предъ образомъ Св. Дѣвы и Предвѣчнаго Младенца. Трудолюбивая мапья Марья Пепровна, съ усердіемъ и вѣрою молилась Вездѣущему о низпосланіи спокойствія и здоровья ся семейству. — За перегородкою небольшой комнашки лежалъ больной спо семнадцати - лѣтній старецъ, Григорій Пепровичъ, и снональ. Опець семейства, Андрей Ивановичъ Доброхоповъ, лишенный зрѣнія и слуха, сидѣлъ на небольшихъ спаринныхъ креслахъ и чпо-по шепталъ про себя. Во всемъ домѣ цар-

спововала тишина. Къ вѣрошамъ подѣхала кареша, отворлются двѣри комнашки и входилъ съ опчаян-нымъ видомъ и со слезами на глазахъ добрая Вѣра, поддерживая вмѣстѣ съ лакеемъ больную сестру свою. Увидѣвъ машь свою она бросилась къ ней на шею, хопѣла чшо-шо сказашъ и горько зарыдала. Марья Пепровна не зная ничего происходившагося, спаралась успокоилъ дочь свою и спрашивала: чшо все эшо значилъ? — «Маменька! милая маменька! взглянише на сестрицу, она лишилась разсудка!» едва вняшнымъ голосомъ она проговорила. Какъ гре-

момъ пораженная, сполла Марья Петровна, вперивъ глаза свои на сидѣвшую у сполы Любовь. Она не смѣла вѣрнуть слышанному и подойдя къ несчастной дочери своей, хотѣла взять ее за руку, но она съ воплемъ отскочила отъ нее и дикимъ голосомъ вскричала: «эй спаруха! не подходи ко мнѣ, не подходи!» попомъ подозвавъ къ себѣ Вѣру — что-то говорила ей. Марья Петровна съ опчаянія бросилась въ постель, пришедши же въ чувство постыдно вышла изъ дому — опыскивала Медка.

Дѣдушка Григорій Пепровичъ лежа за перегородкою въ постелѣ подозвалъ къ себѣ Вѣрушку и спрашивалъ: что происходишь въ сосѣдней комнатѣ; добрая внучка старалась успокоить почтеннаго старца, объяснивъ что сестра Любовь не такъ-то здорова; но когда возвратилась Марья Пепровна, а за нею слѣдомъ вошелъ Докшоръ и, когда поднялся дикій, неистовый крикъ и невнятный вопль Любви — онъ помялъ все несчастіе и спраданія роднаго семейства. Дни его поспешенно спали угасать и онъ занемогъ очевидно. Андрей же Ивановичъ —

не видя и не слыша ничего — долго не зналъ о несчастіи дочери своей: но чувствуя какую-то перемену въ домѣ — началъ спрашивать о случившемся и послѣ долгаго времени ему наконецъ открыли о горестномъ положеніи Любви. Доброхотовъ не перенесъ сего несчастія, онъ также опчаянно заболѣлъ. Надо было видѣть картину бѣдсвеннаго положенія семейства. Несчастіе казалось поселилось въ этой укромной хижинѣ.

А Вѣра, наша добрая Вѣра не нѣбла спокойствія ни минуны: одному подавала лекарства, другому

пишье, за третимъ приемапри-
вала.

Состояніе Марьи Пепровны было самое бѣдственное: маленькій пенсіонъ Андрея Ивановича не могъ прикрыть всѣхъ расходовъ. Нищета царствовала въ домѣ; но свѣтъ не безъ добрыхъ людей; нашлись благошворители и по возможности облегчали горькую участь ихъ. Вѣра занималась рукодѣльемъ; ея шруды, признанныя за совершенныя, были покупаемы многими знатными особами — и нѣкошорыя рукодѣлія предспавлены въ Домъ Трудолюбія, откуда по хо-

дапайспву благошворипелей, получила она присшойное награжденіе.

Прошло много, много времени и наконецъ пресшаръльый Григорій Петровичъ опдалъ дань природѣ. Онъ умеръ на сию семнадцатомъ году опъ рожденія. Прахъ его погребенъ на Смоленскомъ полѣ. Видя печальную каршину сію Любовь Андрѣевна лишилась совершенно разсудка. — Послѣ всего эшого возвратилась съ поѣздки своей Надежда Андрѣевна — и приняла на себя управление хозяйспвомъ. Чрезъ годъ переселился въ вѣчность и добрый старикъ Доброхошовъ.

Когда вы гуляли на Смоленскомъ кладбище, то можете бытъ встрѣчали, два прѣспыя крѣсца, осѣненныя шрема березами. Ихъ можно скоро замѣнить: — дружно, какъ два друга, они прикрываютъ могилы двухъ почтенныхъ людей. Посмотрите, они киваютъ вамъ своими головками, и какъ будто говорятъ о шѣнности всего мѣрскаго. Мало для васъ этого, взгляните на почтенную даму съ двумя прекрасными малюшками, съ сыномъ и дочерью, лѣтъ по десяти, — и тогда не сомнѣвайтесь, что здѣсь могила Доброхотовыхъ.

III.

И міръ превратился въ роскошный черпогъ ,
 И въ иерсахъ раскинулись розы ;
 И въ сердцѣ зажегся потухшій восторгъ,
 И сладкія канули слезы.

И. Еришовъ.

И въ самомъ счастьи — насъ постигаетъ илюгда
 горе. Это испытаніе судьбы !

Аттербольтъ.

На паперти одной изъ столичныхъ церквей толпился народъ. Говоръ и глухой шумъ распространялся въ веселой толпѣ; при спукѣ каждаго приближающагося экипажа народъ бросался на встрѣчу, и бывъ обманушь въ ожиданіи своемъ — снова

предавался веселью и смѣху. Подъѣзжаешь карепа: благородный, видный, льпъ прищипи пяни мужчина, поддерживая милую, прелестную, какъ Майское утро, дѣвушку, выходишь изъ экипажа. Вошли въ церковь, начался священный обрядъ. Это свадьба нашей доброй Вѣры Андрѣевны съ Александромъ Дмишрїевичемъ Добродушинымъ.

Надо знать: что послѣ смерти почтенныхъ людей, г-жа Доброхопова, жила уединенно и скромно въ спаромъ жилищѣ своемъ. Двѣ дочери ея, Надежда и Вѣра, часто посѣщали многія благородныя семейства,

гдѣ были принимаемы съ истиннымъ родственнымъ радушіемъ. Здѣсь-то они имѣли случай бывать въ театрахъ, балахъ и семейныхъ собраніяхъ, на которыхъ Вѣра была всегда тиха, скромна и часто предпочинала жилище бѣдной матери шумнымъ собраніямъ большаго свѣта. Многія молодыя люди искали руки ея, но она всегда отказывала, говоря: что не желаетъ оставить спарушку мать свою съ больною сестрою.

Такъ прошло три года; явился Александръ Дмитріевичъ Добродушинъ, милой, добрый человекъ, отецъ трехъ прекрасныхъ дѣшей,

опъ первой жены. Онъ некалъ мапъ шремъ сиропамъ своимъ и предложилъ руку свою Въръ. Г-жа Доброхопова благословила дочь свою, и наша Вѣра вышла за-мужъ.

Съ истинною маперинскою любовію и добродушіемъ она приняла на свое попеченіе дѣшей мужа своего. Два мальчика и дѣвушка — любили и почитали ее, какъ родную мапъ. Одинъ изъ нихъ былъ болѣнь, она приложила все спараніе свое, дабы излѣчить его опъ паяжкаго недуга. Старшаго пасынка своего, она съ согласія Александра Дмитріевича, опредѣлила въ одно изъ учебныхъ

заведеній за 700 верстѣ опѣ столицы — и когда пришло ему время ѣхать родителю благословивъ его, проводили до дилижанса и со слезами и горестію отправили въ путь.

Оба супруга жили въ пишинѣ и согласнѣ. Богъ благословилъ ихъ союзъ двумя малюпками. Время текло счастливо для нихъ; ни зависть, ни коварство злыхъ людей; ни слепни негодныхъ воркуній, спарающихъ вмѣшивавься въ семейныя дѣла, не превозжили спокойной ихъ жизни.

Но и въ самомъ счастіи встрѣчающа печали и горести, мужъ Вѣры Андрѣевны, долженъ былъ на

долгое время, по дѣламъ службы, отпра-
 вились въ далекій путь. Они раз-
 спались — и Вѣра Андрѣевна съ свои-
 ми малютками опять переселилась
 къ своей матери. Въ это время пад-
 черица ея вышла за-мужъ.

Однажды въ Октябрѣ мѣсяцѣ въ
 7 часовъ утра, когда еще все семей-
 ство спало пріятнымъ сномъ, сдѣ-
 лался пожаръ въ ихъ домѣ. Шумъ,
 говоръ, суматоха, крикъ, плачь,
 спонъ — все совокупилось вмѣстѣ.
 Г-жа Добрехопова и Вѣра броса-
 ющая безъ памяти, сами не зная куда.
 Въсь домъ обхваченъ пламенемъ; слу-
 чившейся въ это время ихъ одинъ

родепвенникъ, не потерявъ присудсивія духа, схватываетъ шопоръ, выламываетъ окно, и всѣ спасаются. Не стану описывать всѣхъ ужасовъ—это былъ Везувій низвергающій пламень. — Вечеромъ были найдены дѣти Вѣры въ домѣ г-жи Ш. . . . , куда и все несчастное семейство собралось.

На другой день собрали все оставшееся отъ пожара имущество, наняли первую попавшуюся квартиру и поселились кое какъ. Нашлись истинно добрыя люди, которые вошли въ горестное положеніе семейства Доброхотовыхъ, сдѣлали значительное благотвореніе бѣдной матери

двухъ малюшкѣ — и образъ ихъ жизни принялъ прежній порядокъ.

IV.

Провидѣніе испытавъ первыіе наше:
посылаеиъ спокойствіе и радость.

Ж. Ж. Руссо.

И счастье въ маетерѣ своей онъ нашель,
И Неба на него сошло благословеніе,
И цѣлый вѣкъ его подобился веснѣ,
Цвѣтущей въ радости и въ мирной пищинѣ.

Мещерскій.

Къ Московской заставѣ подѣхала
ямская пройка. Молодой человекъ,
лѣтъ двадцати, съ безпечностію
младенца, разсмаиривалъ встрѣчаю-

ціяся ему предметы. Онъ вспомнилъ прошедшее, возрастъ злого дѣшества, проведеннаго имъ на свѣшлыхъ берегахъ Невы. Слезы канули на блѣдное лице юноши, когда повозка подъѣхала къ крыльцу одного небольшого домика. Здѣсь жило все родное, милое и драгоцѣнное сердцу его. Выпрыгнувъ съ повозки, онъ бросился въ комнаты, гдѣ и очутился въ объятіяхъ Вѣры Андрѣевны. Это былъ пасынокъ ея, Валерій, окончившій курсъ въ одномъ изъ Московскихъ учебныхъ заведеній и восторжествующій на родину. Онъ узналъ мать свою не смотря на блѣдность

лица ея. Все показывало, что она испытала много горя. «Маменька! вы ли это?» — спросилъ со слезами юноша и снова бросился въ объятія ея. — Спарушка Доброхонова, также прибѣжала обнять своего внука; малышки, дѣти Вѣры Андрѣевны, съ свѣтлою радостію ласкались и толпились вокругъ дорогаго госпя. Вѣра Андрѣевна не могла наглядѣвшись на милья черты своего сына — и оцѣ удовольствія не знала что дѣлать. Разсказамъ и распросамъ не было конца.

На другой день Валерій отпра-
вился съ цакъ называемыми *визит-*

тали къ своимъ знакомымъ. Вездѣ встрѣчало его: пияжкая холодность, неумѣенная церемонія, распросы: что онъ будетъ дѣлать въ столицѣ? и тому подобное. Не было вовсе чистой и искренней радости, родственной дружбы — все пахло могильнымъ холодомъ. Съ горестью ворошился онъ въ жилище своей доброй манеры, гдѣ душа его находила спокойствіе и радость. Въ объятіяхъ манеры онъ забывалъ людей, весь міръ и былъ совершенно счастливъ.

Черезъ нѣкоторое время Валерій вступилъ въ штабскую службу и

пріискалъ частное мѣсто, гдѣ трудами рукъ своихъ добывалъ небольшую помощь для доброй мащери своей. Три года все шло хорошо, всѣ были счастливы: но излишнія и изнурительныя занятія ослабили силы Валерія. — Вѣра Андрѣевна видя изнеможеніе сына своего, выхлопотала тайно чрезъ благотворителей, лучшее и спокойное мѣсто. —

«Сынъ мой!» сказала она однажды, — «я хочу сосланишь тебѣ счастье. Я хочу, дабы ты получилъ посредствомъ трудовъ, кошорыя необходимо нужны во всякомъ случаѣ, лучшую и спокойнѣйшую участь. Надо

думашь о будущемъ; воптъ шебѣ деньги, собранныя мною онгь благодѣтелей малюпокъ моихъ, упопроби ихъ въ свою пользу, и когда Богъ благословитъ шебя, тогда вѣрно ты не забудешь и шѣхъ, которыя устроили начало швоего счастія.» —

«Милая маменька!» со слезами на глазахъ опивѣчалъ Валерій, «чѣмъ могу я возблагодарить васъ за шѣ благодѣнія, которыя вы дѣлали сыну. Хорошо, ежели Богъ благословитъ меня; а ежели не будеть успѣха, я испрачу ваше послѣднее состояніе, и залогомъ не могу ничего оставитъ, кро-

мѣ души и шѣла, вѣрныя только до завтрашняго дня!»

«Молись Небесному отцу,» сказала Вѣра Андрѣвна! «никогда какъ Богъ. Спупай — и приступи къ началу — я благословляю тебя.»

Труды принесли желаемый плодъ. Валерій чрезъ посредство мапери и благошворишелей, зажилъ своимъ домомъ. Въ кругу Вѣры Андрѣвны и двухъ прекрасныхъ ея малюшоекъ, онъ и нынѣ живетъ спокойно и счастливо. Г-жа Добродушина такъ же счастлива, она достигла чего желала — она сошавила счастье сыну своему.

Разсмапривая поспешенно картинну сію, челоуѣкъ чувствительный, будетъ пронуть несчастіемъ семейства Доброхоповыхъ, и оупъ души порадуется нынѣшней спокойной ихъ жизни. Примѣръ маперинской любви, упованіе на свяшой Промыселъ, перпѣніе въ несчастіи и рѣдкое великодушіе Вѣры Андрѣевны къ пасынку ея — есть черта доснойная вниманія всякаго добраго челоуѣка.

В. Крыловскій.

ПУСТЫНЯ.

(А. Е. Грену.)

Забуду ль я, шмой мрачный видъ,
Пушья дикая, жилище вдохновенья,
Гдѣ все величественно спитъ
Подъ тяжкою печатію забвенья?
Въ глуши задумчивой швоей
Все *меланхолика* плѣняетъ,
Его богиня шамъ живешъ
И думой грушною своей
Невольно сердце наполняетъ,
И къ размышленію влечетъ.

Тамъ я любилъ бесѣдовать съ тоскою
 И вспоминашь прошекшія вѣка,
 Тамъ думалъ я: шакъ, времени рука,
 Своею силою, своею быспропою,
 Все въ прахъ ничпожннй превращивъ;
 И памъ, гдѣ славы пронъ надменной
 Теперь въ величнн споншь,
 Бышь можешъ памъ, попомъ нашъ узривъ
 Жилище дикосни смнренной;
 Гдѣ радоснно пеперь грешивъ
 Среди пировъ, веселья ликованье,
 Бышь можешъ скоро памъ, угрюмое молчанье,
 Могилу радосней печально осѣивъ!
 Такъ думалъ я — и пайная богиня
 Моихъ надеждъ и думъ, явллася предо мной:
 Съ тѣхъ поръ я полюбилъ душой
 Тебя безмольная пущыня.

А. Вар — овъ.

Свеаборгъ.

КЪ Н. Н.

Прівзжай на пиръ веселый
Вакха сынгъ и другъ Харипъ!
Прівзжай... покаль шяжелый
Для тебѣ давно налишь
На столъ смѣясь стоишь.
То-шо будешь намъ раздолье,
У меня всего въ приволье
Подъ рукою добрыхъ Ларь.

А подъ сѣнію природы
 Все плѣилеть слухъ и взоръ ;
 Игры , пѣсни , хороводы
 И музыки громкій хоръ .
 Здѣсь не будешь изгибаться
 Предъ надушностью людской ,
 Я могу тебѣ признахся
 Простона — сопутникъ мой !
 Чино намъ чваннхся чинами ,
 Нѣтъ различья между нами ,
 Кто политъ пальцемъ покаръ
 Топи и князь и генералъ .
 Нѣтъ межъ насъ льстецовъ докучныхъ
 Съ роемъ грацій неразлучныхъ ,
 Нѣтъ здѣсь шощихъ волокипъ ,
 Сплѣшницъ въпренныхъ и скучныхъ ,
 Нѣтъ судей пузатыхъ , шучныхъ ,
 И воркуій — злыхъ эгидъ .
 Удалясь опъ ига свѣта :
 Опъ жемансва , эшикеша

Мы въ саду подъ шалашомъ
Славно время проведемъ.
Пріѣзжай же брава дружище
По душѣ лихой гусарь,
Посмотри мое жилище
Коль кипишь дружбы жаръ.
Пріѣзжай... тогда узнаешь
Цѣну жизни городской,
И навѣрно промѣнишь
На деревню городъ свой.

Н. С.

З В Ъ З Д А.

Звезда! какъ свѣтло блещешь ты,
    Какимъ величіемъ сіяешь,
На душу мрачныя мечны
    И пайный препенъ насылаешь.

Я на тебя, звезда, гляжу
    Порой съ неясною поскою,
И очарованный мечною
    Въ душѣ все прежнее, бужу.

И мнѣ привѣщенъ образъ швой,
    Какъ для спрадальца упованье.
Свѣши звезда, швое сіянье —
    Врачуетъ духъ печальный мой.

А. Левицкій.

УЖАСНОЕ СВИДАНІЕ.

(Истинный анекдотъ.)

Мы ищемъ радостей,
А горести встрѣчаемъ.
А. Г' — къ.

«Какъ я радъ,» говорилъ графъ *Рансе* своему другу: «что могу наконецъ видѣться съ баронессою *Монтбзонъ*. Еще на прошлой недѣль при-

гласила она меня на тайное свиданіе, но проклятая болѣзнь меня не допустила.» — Услышавъ же, что пробило восемь часовъ вечера, приказалъ закладывать экипажъ, и съ примѣшнымъ смущеніемъ отправился къ баронессѣ.

Городъ, въ которомъ жила она, отстоялъ отъ его помѣстья не болѣе двухъ миль, и графъ надѣялся чрезъ часъ увидѣть обожаемую имъ *Монтбезонъ*.

Наконецъ, онъ пріѣзжаетъ въ городъ, и разгоряченный своею любовію спѣшитъ къ баронессѣ. Вопль уже тайно приближается къ ея дому,

входитъ по лѣстницѣ и мечпашеть уже бышь въ ея объятіяхъ. — «Все тихо» — говоритъ графъ: «и видно она подѣ разными предлогами разо-слала своихъ служителей и теперь ожидаетъ меня.» Проходитъ чрезъ длинный рядъ комнатъ и съ шрепешомъ спучишея въ дверь ея спальни; но никто ему не отвѣчаетъ! «Какъ — думалъ онъ, неужели она меня обманула? Но нѣтъ, эшаго бышь не можешъ,» и оспорожно поворачиваетъ замокъ.

Каковъ же быль ужась его, когда вмѣсто мягкаго ложа, представилея испуганнымъ взорамъ его черныи

гробъ? — Сначала мыслишь онъ, что съ нимъ сыграли шутку; но приближившись къ гробу, видишь въ немъ трупъ своей возлюбленной.— Сей скорый переходъ отъ радости къ печали, столь сильно подѣйствовалъ на графа, что онъ чрезъ короткое время постригся въ монахи.

Потомъ узналъ онъ, что баронесса за три дня до сего свиданія занемогла оспой, и чрезъ три дня переселилась въ вѣчную обитель.

Н. Курута.

С Л Е З А .

Слеза , горячая слеза !
Пошокъ души , очей краса !
Не шмель смягчаешь гнѣвъ фортуны ,
Миришь несчастнаго съ судьбой ,
Не шмель кропишь живыя слезуны
Чудесной арфы неземной .
Когда пивой шокъ по ней польется
Душа во звукахъ опозовеня ;

По струнамъ пламя пробѣжишь ;
И пѣснь сладчайшая свободы
Какъ слово вѣчное природы
Миръ громомъ славы оглушишь.

Н. С.

ЭКСПРОМТЪ.

Вы мнѣ сказали не шупя,
Что я шакъ молодъ, какъ диня,
И съ вами я на по согласенъ;
Сердечный пупъ мой безопасенъ:
Я все обдѣлаю шупя.

Н. С.

СУХАЧЕВУ.

(Въ Одессу.)

Прошли надежды — лучшихъ лѣтъ,
Прошли лѣта очарованья,
И я, поварищъ! въ шумный свѣтъ,
Смошрю безъ всякаго вниманья;
Я часно шамъ — съ моей мечпой
Бродилъ безъ цѣли, ушѣшенья,
Тамъ все кнѣло суепой,
И жизъ мелькала, какъ видѣнье.

Тамъ юность шумною полною
 Въ безумной нѣгѣ жизнь проводишь;
 Но время — плучей за собой,
 Чредой и молодость уводишь.
 Тамъ спарость скучная — въ мечтахъ
 Прощедши годы воспоминаешь,
 Сидишь за картами въ рукахъ
 И пылку юность и рокливаешь;
 Тамъ *зависть* царствуетъ одна,
 И бродишь съ злобнымъ наслажденьемъ:
 Всегда заболѣть она полна
 И ядовитымъ уносьемъ,

Но здѣсь, на Стверь, мой другъ,
 Въ Финляндіи — въ странѣ забытой,
 Я позабылъ и шепель Югъ
 И чумный край вашъ ядовитой!
 Я въ лонѣ мира, въ тишинѣ,
 Забылъ о вашей споронѣ;
 Но иногда, повѣрь ны мнѣ,
 Слеза невольная капнешя,

И вздохъ посвященный тебѣ ,
 Къ тебѣ съ мечтой моею мчился .
 Гдѣ пы поварищъ ? Милой мой ,
 Въ какой странѣ пы жизнь проводишь !
 Нашелъ ли сладоспный покой
 Или спрадальцемъ груснымъ бродишь ?
 Письи ко мнѣ , пиши въ описьи ,
 Я жду его , какъ вдохновенья ,
 На родинѣ — не зная бѣдъ ,
 Прочпу я дружбы ушщенье .

А. Гренъ.

Выборгъ.

НЕВОЗМОЖНОСТЬ СЧАСТІЯ.

Какъ счастье къ намъ придетъ,
Нельзя и намъ до счастья добинься
Догадка тѣмъ сія рѣшилась:
Слѣпой слѣпаго не найдеть.

Н. С.

БАЙКАЛЪ.

(Изъ письма къ А. Е. Грену.)

Иркутскъ, 31-го Января 1855.

Байкалъ обыкновенно покрывается льдомъ въ началѣ Декабря мѣсяца, въ половинѣ онаго переходящъ пѣшеходы, а въ концѣ начинающъ ѣздить въ повозкахъ. Ледъ на немъ

промерзаетъ отъ 4 до 6 четвертей аршина; но не смотря на сію толщину льда, бывають въ немъ такія трещины, которыя нерѣдко причиняють опасность проѣзжающимъ, и часто утпають въ нихъ лошади. Окрестные жишели продолжаютъ ѣздить по льду Байкала до 20-го Апрѣля, а смѣльчаки пускаются и въ началѣ Мая; ибо въ первыхъ числахъ сего мѣсяца, и не далѣе уже 9-го числа, ледъ обыкновенно расходится. Покрытіе Байкала льдомъ случается иногда и около половины Января, а самый обыкновенный срокъ оному Сибирскіе жи-

ишли полагаюшь 6-го Января. Посему и суда Байкала, называемыя *дощениками*, перебѣгаюшь чрезъ него на парусахъ, смотря по погодѣ, иногда позже 10-го числа, а болѣе всего на 6-е Декабря. Впрочемъ замѣчено, что и въ Январѣ 1806 и 1819 годахъ, двѣ небольшія лодки переплыли съ той стороны Байкала на здѣшнюю, не встрѣшивъ ни льдинъ, ниже другой какой опасности; чему способствовала бывшая тогда во всю осень теплая погода съ легкими, по большей части полуденными, вѣтрами. Вообще Байкаль покрывается льдомъ въ шихую

холодную погоду ранѣе обыкновеннаго и весьма гладко, какъ зеркало; напрошивъ въ вѣтренную погоду позже, а припомъ мѣсями негладко и неровно.

Байкаль въ прежнія времена слыль озеромъ, а нынѣ называется моремъ; а почему, неизвѣстно. Можетъ быть попому, что онъ весьма обширенъ, неизмѣримой глубины и принимаетъ въ себя множество большихъ рѣкъ, рѣчекъ и ручьевъ, вмѣсто коихъ выпускаетъ изъ него за 59 верстъ отъ здѣшняго города одна только рѣка *Ангара*. Можетъ быть также и попому, что въ немъ водятся

водоземное опкрытаго Океана, по здѣшнему названію *нерпа*, иначе *тюлень* или *ворса*; а сверхъ того ловятся осстры разной величины. Вода въ Байкаль чиста, какъ хрусталь, такъ что на пять сажень отъ берега и болѣе можно видѣть дно; она холодна подобно ключевой, и вкусомъ едва ли другая какая можетъ съ нею сравниться.

Съ осени, когда наступаютъ морозы, поднимаются въ самую тихую погоду густые туманы, кои расстилаясь по берегу Байкала, пощемняютъ солнце, и видны даже опсюда, хотя самый Байкаль закрытъ

отъ насъ множествомъ горъ и дремучихъ лѣсовъ. Туманы сіи продолжаются до той поры, пока оцъ покроеся льдомъ. Во время бурныхъ и холодныхъ осеннихъ вѣтровъ, отъ чрезвычайнаго волненія Байкала дѣлаются на той сторонѣ передъ утесами каменныхъ горъ лдяные столпы, по здѣшнему называемые *Сокуяму*; близъ береговъ также наносятся большія громады льду, о кои нерѣдко разбиваются застигнуныя суда. Вешній ледъ изъ Байкала, при полуденныхъ вѣтрахъ, проходитъ иногда въ рѣку *Ангару*, и несется мимо нашего города въ шакомъ

множествѣ, какъ бы во время за-
крытія рѣкъ; но при сѣверныхъ вѣп-
рахъ онъ не выносився въ рѣку, а
изчезаетъ въ самомъ Байкалѣ. Во
время замерзанія онаго промышлен-
ники, кои въ Сентябрѣ мѣсяцѣ каж-
даго года уходятъ за Байкалъ для
промысла соболей, показываютъ уди-
вительную смѣлоснѣ. Когда примѣ-
щаютъ они, что надобно всему
пространству Байкала покрыться
льдомъ, и нѣтъ уже болѣе шума-
новъ; но, не смотря на тонкость
льда, пускаются по немъ пѣшіе,
подвязывая къ подошвамъ подковы,
называемыя *базлуками*, чптобы ноги

не скользили, и такимъ образомъ переходяиъ черезъ все море. Нѣко-
торые однако жъ бываюиъ и жерни-
вою сей смѣлости. Въ 1809 году,
когда также Байкаль покрылся
льдомъ, двое промышленниковъ при-
думали особый способъ, чпобъ без-
опаснѣ перейти по льду на здѣш-
нюю сторону. Они, при легкомъ по-
луденномъ вѣтрѣ, спали на обык-
новенныя лыжи, поставя передъ
себя щипы изъ войлоковъ, и взявъ
посохи съ желѣзными копыцами для
направленія дороги, пустились по
гладкому льду на 40 верстѣ раз-
стоянiя, и совершили путь весьма

скоро и удачно. Приномъ сказывали они, что во время ихъ бѣгу на лыжахъ, ледъ подъ ними во многихъ мѣснахъ прещалъ и гнулся, такъ что никакъ не могъ бы поднять пѣнаго человека. Сей примѣръ взявъ видно съ того, когда на Байкалѣ, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, бывали промыслы *перталъ*, копорые зимою, вышедъ изъ воды прещинами льда, лежали на немъ. Въ сіе время промышленники подбѣгали къ нимъ на небольшихъ санкахъ подъ парусомъ, и стрѣляли въ нихъ изъ ружей.

КЪ ДРУГУ.

Угрюмый баловень безделья,
Пипомецъ вепренныхъ Цирдей;
Поклонникъ буйнаго веселья
И обольстительныхъ спрасней:
Неси дары свои Беллонъ,
Рубись, коли и побѣждай,
Но не забудь объ Апполовъ
И звонкой лиры не бросай.

КЪ ***.

Товарищъ - другъ ! со дня рожденья
Я въ міръ счастья не знавалъ ,
Никто словами утѣшенья
Меня спрадальца не ласкалъ.

Никто забытаго судьбою
Подъ кровъ пріюпный не прикалъ ;
Бродилъ я въ міръ сиротою
И слово : *счастье* не знавалъ.

Толпа презрѣнная смѣялась
Надъ жалкой участью моею,
Одна надежда мнѣ осталась
Лишь слезы горьки изъ очей.

Хопь ты, поварнщъ, будь опрадой
Спрадальца брата своего:
За дѣло доброе — въ награду
Пошлеть Господь — всего, всего!

И. Гренъ.

КЪ ***.

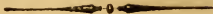

Нынь не въ силахъ болѣ я
Бышь безмолвнымъ испуканомъ
Спрашъ въ груди моей шая
Жизнь мечпанельнымъ обманомъ,
Черезъ чуръ ужъ я спыдливъ
Въ обращенн дружномъ съ вами,
И не ксташи молчаливъ,
Согласенъ въ эпюмъ сами.

Въ вчерашній день со мной
 Обращались слишкомъ нѣжно,
 Что же, я чуждакъ какой
 Вашей ручки бѣлоснѣжной
 Къ сердцу спраспно не прижалъ
 И въ шомпильности сладкой,
 Хотя бы разъ одинъ украдкой
 Въ щечку васъ поцѣловалъ,
 Лишь въ безлюдной снрассти мѣля
 Я споялъ попуня взоръ,
 И отъ скромности краснѣя
 Посторонній бредилъ вздоръ.
 Нѣтъ въ другой разъ я не буду
 Скромень въ пламени спрасстей,
 Вы удивитесь чуду
 Кушдоновыхъ зашѣй.

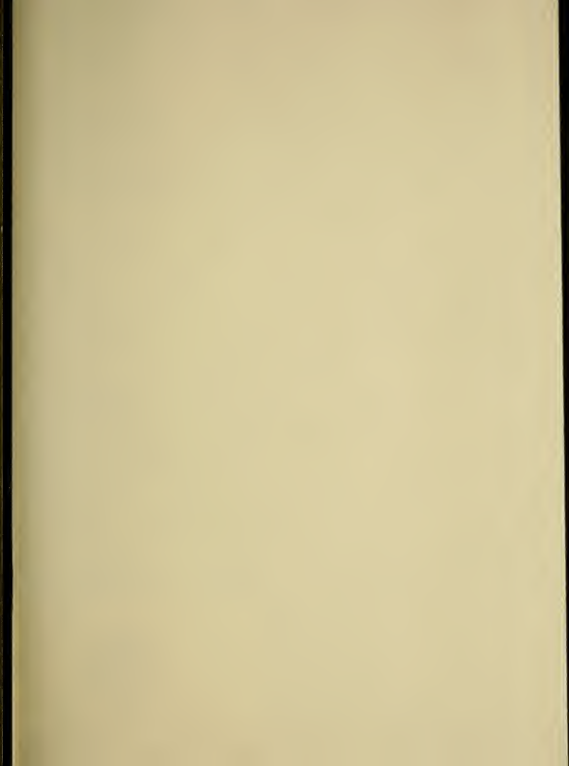
Н. С.

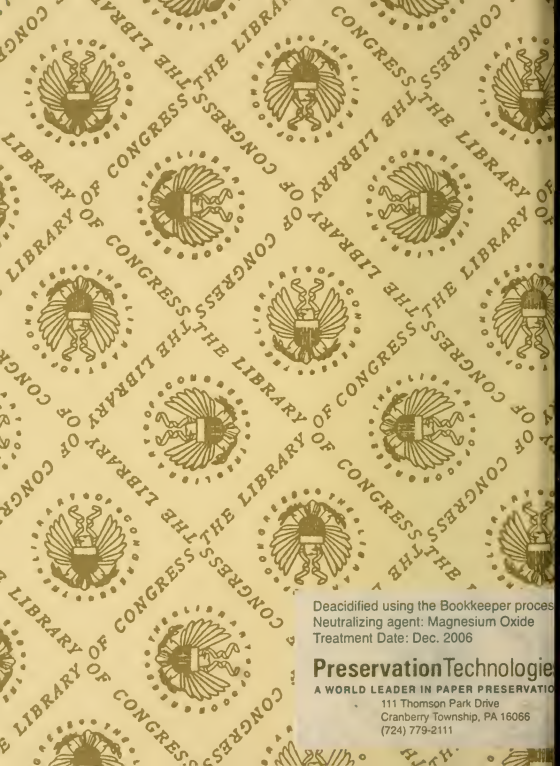
138 91

Decidified using the Bookkeeper process
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Dec. 2006

Preservation Technologies

A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION

111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

HECKMAN
BINDERY INC.

MAR 91

N. MANCHESTER,
INDIANA 46962

LIBRARY OF CONGRESS

00025335909